Палые листья лета

Автор:
Рина Лесникова

Палые листья лета

Рина Лесникова

Санайя дин Тиаграсса живёт с отцом и мачехой в торговой столице королевства Тиирра в портовом городе Сторхеде. Живёт и мечтает, как все девушки её возраста, выйти за любимого мужчину. Знатен, хорош собой, далеко не беден. Препятствий для брака возникнуть не должно. К сожалению, отец решил, что банкир в зятьях гораздо выгоднее, чем аристократ. Странности начались, когда этот самый банкир решил освятить брак не в привычном всем храме, а в Священном Лесу. В Лесу, в котором в древности проводились загадочные ритуалы. Попробовать переиграть навязанного жениха? Почему бы и нет. Ведь в этом месте выбирают не люди, а древние боги. Только ни в коем случае ничего не рассказывайте богам о своих планах!

Рина Лесникова

Палые листья лета

Серия сезоны любви

Пролог

Пузатый торговый корабль, гордо именуемый «Трезубец Ирдена*» важно замер почти в центре небольшой спокойной лагуны. Где-то там, за грядой опасных

рифов, бессильно ярился и пенился разбушевавшийся океан, здесь же только лёгкая рябь и укоризненные покачивания верхушек далёких пальм намекали на присутствие ветра. Почему так? Да кто ж будет разбираться. После изнуряющего трёхдневного шторма экипаж – от напыщенного мага до безусого корабельного юнги выложились до последнего, зверски устали и мечтали лишь об одном – хотя бы ненадолго занять горизонтальное положение. Или не горизонтальное. Лишь бы быть уверенным, что очередной шквал не окажется для их судна последним. Лишь бы повелитель воды Ирден не счёл, что именно это жалкое судёнышко с почти пустыми трюмами и горсткой уставших мужчин будет ему достойной добычей.

Отпустил. Мало того, провёл меж опасных рифов и позволил взять передышку.

– Боцман! Открыть бочку самого лучшего вина и сбросить за борт!

Ни один матрос не возмутился этому безумному на взгляд сухопутного приказу. Но с Ирденом лучше не шутить.

Вода охотно приняла подношение. Следом за бочкой в воду полетели кортики, перстни, монеты и серьги. Платить дорогими для тебя вещами всяко лучше, нежели жизнями.

– Сутки на отдых, завтра принимаемся за ремонт. Со мной на вахте остаются Вертен и Ширрах. Через двенадцать склянок нас сменят Узер и Дроб с Калиньшем. Время пошло!

Просоленные лица расплылись в широких улыбках. Всё же, понимающий у них капитан. Единственная уцелевшая шлюпка была моментально спущена на воду, и первая часть свободного от вахты и забот экипажа рванула к берегу, на который высыпала толпа местных жителей. Все до одного люди, они громко переговаривались меж собой гортанными голосами и бесцеремонно тыкали пальцами в приближающихся пришельцев. Похоже, нечасто им приходилось видеть иные расы.

Помощник капитана орк Узер был сразу же окружён стайкой восторженно щебечущих девушек и, напутствуемый ядрёными советами матросов, утащен куда-то вглубь острова. Похоже, не спать его ведут, совсем не спать. Какой уж тут сон, уж кто-кто, а орки никогда не упустят возможности приятно провести

время с противоположным полом. Впрочем, остальным членам команды тоже не на что было обижаться, каждого выбрала одна, а то и сразу две женщины. Берег быстро опустел.

Аборигенов можно было понять. Живя обособленно и не имея возможности обновлять кровь, они были бы обречены на вымирание. Матросам придётся постараться.

***

Вымотанный донельзя и столь же счастливый Узер вернулся в точно оговоренное время. Капитан и владелец судна Леандр дин Тиаграсса сошёл с корабля глубокой ночью. Нет, он не собирался воспользоваться благосклонностью местных красавиц. Ещё чего не хватало. Он не брезговал есть из одной чашки со своими матросами. Но пользоваться одной женщиной… Не так уж он и голоден в этом смысле. Потерпит до порта. Ждёт там его одна податливая вдовушка. Ох, и горазда она на выдумки. От воспоминаний тут же поднялось настроение. И не только оно. Вернуться, допить початую бутылку рома и завалиться спать? Но один вид тесной каюты и белой от океанской соли палубы вызывал нешуточную тошноту. Так хотелось ступить на твёрдую землю. Пусть это и был зыбкий прибрежный песок.

Шлюпка плавно толкнулась в берег. Хорошо, что сейчас ночь, и все порядочные девушки должны спать. Он углубится в их пальмовый лес, ляжет под деревом и спокойно проспит до утра.

Кого это ещё несёт? Как хорошо, что с ним Вертен и Ширрах. Можно спокойно отойти в сторону, предоставив возможность матросам поделить припозднившуюся красавицу. Только нужно предупредить, чтобы без драки, а то изголодавшихся мужиков двое, а дама одна.

– Ат-Уаки* дала мне тебя, – на ломанном тиирском произнесла девушка и, к удивлению онемевшего на несколько мгновений капитана, надела на его шею роскошное ожерелье из одуряюще пахнущих местных цветов.

Сказать, что он спешит, и быстро уйти? Этот трюк прошёл бы в порту. А здесь-то куда спешить. В абсолютно незнакомом месте. Ночью. Уже завтра у него появится масса дел, а сегодня, сам же распорядился, только отдых.

– Какая краля. Везунчик капитан! – сопровождающие его матросы расплылись в понимающих улыбках и исчезли в ночи.

Теперь можно бы и уйти. Его бегства никто из команды не увидит. Но запах островитянки так соблазнителен, а её руки и губы так горячи. Да и вдовушка далеко. И Леандр дин Тиаграсса поспешил за девушкой, её чарующим серебристым смехом и загадочной песней-причитанием на чужом языке. Смутно порадовался, что тащит она его не к скоплению тростниковых хижин, а куда-то в лес. Трусливо промелькнула и тут же исчезла мысль, что он и сам собирался туда пойти, чтобы отдохнуть. Может, удастся отстать и затеряться? Но юное тело такое притягательное, а накатившее желание практически невыносимо.

Кто с кого начал срывать одежду первым, капитан Тиаграсса не вспомнил бы и под страхом смертной казни. Он с жадностью набросился на податливое женское тело, с досадой отметил болезненный вскрик, но остановиться уже не мог, Даже если бы повелитель воды Ирден грозил накрыть его одной из своих самых страшных волн. Леандр сейчас сам был ураганом, неистово бушующим океаном и целым миром, диким и необузданным.

Безумие. Это какое-то безумие. Даже после своих самых долгих странствий он не испытывал такого голода. Да и девушка – а до встречи с ним его партнёрша, несомненно, была девушкой – не давала ему возможности опомниться. Гори всё синим пламенем. Эта ночь их и только их.

Наутро Уна – так звали ту, что подарила ему свою невинность и страсть – произнесла странные слова:

– Ильгра сказала, что Ат-Уаки благословила нашу любовь.

Что-то заговаривается девушка. Или путается в чужом языке? Когда бы неизвестная Ильгра могла это сказать? Уж точно не до того, как Уна увела его в лес. А после этого они уже ничего и никого не слушали. Некогда было. Придумает тоже, проведённая вместе ночь, и уже благословили. Нет, в большом мире так дела не делаются. Малышка, конечно, хороша, но всерьёз задумываться о браке с дикаркой? Если только перевезти её на большую землю и поселить в каком-нибудь маленьком уютном домике? Портов много. Как известно, у настоящего моряка в каждом порту по жене.

Две недели, потраченные на ремонт корабля, пролетели, как один день. Приходилось безжалостно понукать команду. Уходить из гостеприимного места никому не хотелось.

– Останься со мной! – милая наивная Уна. Неужели, она считает, что этот забытый богами и сборщиками налогов остров и есть предел мечтаний капитана дин Тиаграсса? У него есть более высокие цели.

– Я не могу. У меня долг перед командой. Меня ждут дела на большой земле. Если хочешь, поедем со мной. Я тебя не обижу, – говоря так, Леандр был в тот момент вполне искренен.

– Ат-Уаки не отпустит свою дочь!

Опять эта странная Ат-Уаки. Божество? Наверное, ведь мать Уны звали ИлИ.

– Мы должны отправляться, Уна. Понимаешь, должны.

Островитянам не было знакомо такое понятие, как эфемерный долг. Они жили одним днём, радостно принимали всё, чем он их одаривал и искренне верили, что и назавтра боги не отринут от них свои милости, наделяя кровом и пищей. Но Уна покорно ответила:

– Я понимаю. И буду тебя ждать.

Прощание вышло не таким театральным и надрывным, каковыми были его прощания с ожидающей в Сторхеде вдовушкой. Уна, как и все девушки, надела на шею своему избраннику цветочное ожерелье. Больше всего ожерелий украсило могучую шею помощника капитана Узера, вот уж кто всполошил сердца местных молодок, да и не только их, вслед орку счастливо улыбались и несколько беззубых ртов. Впрочем, если никто не остался обиженным, какие могут быть упрёки?

Важно поскрипывая снастями, корабль покинул гостеприимный остров. Надолго ли останутся в памяти моряков его любвеобильные дамы? Кто знает. Но Леандр дин Тиаграсса с какой-то затаённой нежностью думал о маленькой белозубой островитянке, когда почти через четыре года его корабль вновь бросил якорь в

той же лагуне. Судьба? Воля повелителя воды Ирдена? Кто же его знает. Ведь воля богов и есть судьба, и свершается она независимо от того, веришь ты в богов или нет. А какой же мореход не верит в Ирдена? Такой надолго в море не задержится. Или сбежит на сушу, или отправится в гости к божеству, так сказать, знакомиться.

Тот же остров, те же искренние улыбки на лицах его жителей. Приветственные крики узнавания, та же звонкоголосая юркая детвора под ногами. Уна. Уже не та наивная девчонка, а уверенная в себе женщина. И маленькая сероглазая девочка со смешными каштановыми кудряшками, крепко прижимающаяся к её ноге. Может быть такое, что девочка вовсе и не дочь капитана дин Тиаграсса? Может. Но отчего так беспокойно застучало сердце? Отчего солёные капли жгут глаза, встретившиеся с доверчивыми серыми глазами? Точно такими же, которые он наблюдал в зеркале при бритье.

Островитяне не лгут. Тем, кто счастлив, незачем лгать.

– Это твоя дочь, – просто сказала Уна и тепло улыбнулась.

– Папа? – как малышка старательно выговаривает новое для неё слово.

– Да, я твой папа.

Решение созрело мгновенно. Он не может бросить их здесь.

– Уна, поедем со мной! Там, на большой земле, ты ни в чём не будешь испытывать нужды! Я накуплю тебе шёлковых платьев и украшений. Я буду носить на руках тебя и нашу девочку! Ты там будешь счастлива!

Островитянка беспечно рассмеялась.

– Платья у меня есть, целых два! – она гордо дёрнула подол дешёвого ситцевого одеяния. – Украшения я сделаю сама, – Леандру было продемонстрировано ожерелье из обломков перламутровых раковин. – А счастлива я только здесь, – при последних глазах её взгляд стал необычайно серьёзен. – Ат-Уаки не любит, когда её дочери покидают её без надобности, – и Уна судорожно прижала к себе дочь.

Если бы не этот её жест, капитан дин Тиаграсса и не додумался бы до того, что впоследствии совершил. Уна испугалась, что он украдёт девочку? Какая странная идея…

Мог ли Леандр Тиаграсса оставить дочь здесь? Чтобы через десяток с небольшим лет она так же, как и её подруги, доверчиво спешила навстречу уже другим морякам, решившим бросить якорь в этом благословенном месте. Его дочь достойна большего.

Уже на следующий вечер «Трезубец Ирдена» покидал уютную гавань. В каюте капитана на узкой кровати сидела маленькая девочка и широко раскрытыми глазами рассматривала незнакомую обстановку. На берегу, в старческих, но крепких объятиях местной уурду* Ильгры билась в слезах молодая женщина.

– Поплачь, Уна, поплачь. Пусть слёзы унесут твою боль, – приговаривала старая Ильгра. – Богине Ат-Уаки было угодно, чтобы твоя девочка ушла в большой мир. Кто мы такие, чтобы противиться её воле? Ты поплачь, а потом благослови. Нет ничего сильнее искреннего благословения матери. И отцу её не шли проклятий. Нет ничего страшнее проклятия обманутой женщины. Эх, Уна, Уна, стара я уже стала, менять меня пора, а уурду можно стать только через боль. Жестоко? Но кто мы такие, чтобы спорить с Ат-Уаки? – печально повторила она.

Глава 1

– Не морщись, не морщись! И комплиментов не жди, не дождёшься! – Санайя строго погрозила пальцем зеркалу, вернее, отражающейся в нём сероглазой пухлощёкой шатенке. – Да, я знаю, все психически нормальные девушки склонны считать себя привлекательными. И ты будь добра считать так же! Так и считаешь? То-то, – пока никто не видит, отражению был показан язык. Да, неприлично, но самой себе – можно. – И вообще, это только с первого взгляда мужчины западают на внешность. А потом… нет, могут, конечно, и на кошелёк, но у нас явно не тот случай. У Риченда и своих денег достаточно. А значит, нас с тобой любят за внешний вид и милый характер, дорогая иерина дин Тиаграсса. Да, именно так, за милый характер! И не спорь.

Отражение в зеркале и не думало спорить. Да и с кем спорить? С самой собой? Бессмысленно и неконструктивно.

Санайя поднялась с пуфика перед зеркалом, где она приводила себя в порядок после сна, и сладко потянулась. Сегодня замечательный день. Не то, чтобы её прочие дни были плохи, но сегодняшний день был особенным. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. Совершеннолетие. Это ведь что-то особенное, правда? Пусть зеркало и не отразило изменений, но они были. Новые возможности, новые права. Да всё новое! Сегодня в её честь папа и Эмильена устраивают приём. Будет не меньше полутора сотен гостей. Здесь Санни поморщилась. Гости – большей частью деловые партнёры её отца, и этот приём мало чем будет отличаться от множества таких же приёмов, где встречаются деловые люди мира сего: коммерсанты, банкиры и промышленники. Разве что придут они с разряженными в пух и прах жёнами и дочерями, и обсуждать свои скучные дела примутся не сразу, а предварительно сказав несколько высокопарных слов виновнице торжества и вручив безумно дорогой подарок вроде акций жутко перспективной горнорудной компании. Дельцы – они и есть дельцы. Ну да и ладно, она уже давно не обижалась на папу. Бизнес прежде всего, это в их семье знали все.

И всё же, кое-чем этот приём будет отличаться от других. Сегодня Рич попросит у папы её руки и его отцовского благословения. Санни мечтательно повторила несколько па из паратена – танца, в котором они закружатся после того, как жених наденет на её пальчик помолвочное кольцо.

– Ри-Рич, и-ич, па-да-дам, Ри-Рич, – будущая невеста раскинула руки, сделала глубокий реверанс и счастливо засмеялась. Как же прекрасна жизнь.

Но хватит предаваться мечтам, пора торопиться на завтрак. Сегодня ещё столько нужно сделать.

– ЭмилИ, Лео, доброе утро, – Санни, выслушав поздравления, приложилась щекой к щеке мачехи, изображая поцелуй, и чмокнула в макушку младшего братца. – Папа уже ушёл?

– Как всегда, дорогая, как всегда, – Эмильена дин Тиаграсса привычно вздохнула. – А то ты не знаешь нашего папу.

– Знаю, и нисколько не удивляюсь, – именинница заняла место за столом и принялась за завтрак. – Что у нас на сегодня осталось?

– Кухню я уже проверила, там всё в порядке, от цветочного магазина прибудут к двум часам, зал осталось оформить только цветами, – поведала мачеха. – К двум же прибудет и иерина Прани, сделает причёску сначала мне, потом тебе. Оркестранты приглашены к семи. Всё готово, милая, тебе не о чем волноваться, – успокаивающе улыбнулась она. – Хотя, ах, где мои восемнадцать, я бы на твоём месте тоже волновалась.

– Тебе ли сожалеть, – Санни вернула улыбку. – Может, я волнуюсь о том, что кто-нибудь из папиных гостей нас с тобой перепутает и вручит подарок тебе.

– А я знаю, что тебе подарит папа! – хитро заявил молчавший до этого младший братец.

– Лео, не порть папе сюрприз, – осуждающе проговорила иера дин Тиаграсса. – Всему своё время.

– Ладно, – протянул мальчуган, – пусть ещё помучится.

Вот же заговорщики. Была у Санни мечта. Восемнадцать лет – как раз тот самый возраст, когда можно садиться за руль магомобиля. Но папа такой перестраховщик. Вряд ли откликнется на её отчаянную просьбу. Хотя – невольная улыбка растянула губы – она же совсем скоро выйдет замуж, и Рич обязательно купит ей магил. Или выделит один из своих, коих у него аж три сразу.

– Милая, ты так хороша, когда улыбаешься. Думаю, если ты продолжишь в этом же духе, сегодня тебе не будет равных, – отметила мачеха.

– Ах, Эмили, сегодня такой особенный день! Как же мне не улыбаться. У меня же жизнь начинается!

– И это прекрасно. А теперь беги, собирайся, – иера дин Тиаграсса отпустила падчерицу. – И помни, сегодня ты должна затмить всех!

– Обязательно, – рассмеялась Санайя и вышла из столовой. К тому моменту, когда подойдёт иерина Прани, чтобы заняться волосами, она уже должна быть почти готова. Сейчас предстояло провести множество приятных каждой женщине процедур, после которых можно затмить и солнце.

Как же хорошо, что у Санни есть папа и Эмильена, иначе не выдержала бы и сбежала от этого потока любвеобилия и доброжелательности. Ну, или взвыла. Приём длился немногим более двух часов, а она уже устала. Скорее бы уже закончилась череда гостей и их поздравлений. Пока же остаётся развлекаться тем, что предугадывать, что подарит и скажет тот или иной гость. Как же они все предсказуемы со своими уже набившими оскомину словоизлияниями и бездушными подарками. Эти жёсткие корсеты, наверное, для того и придуманы, чтобы дамы не могли слишком глубоко вздыхать, выказывая тем самым своё недовольство.

Мысли произвольно перескакивали с темы на тему, они совсем не мешали держать милую улыбку, долженствующую изображать внимание, и никогда не заслоняли главную: скоро подойдёт Риченд. Любимый не захотел смешиваться с общей толпой, и ждал, когда количество жаждущих пообщаться с именинницей иссякнет. И правильно, негоже смешивать столь важное действо, как помолвка, с кучей обычных поздравлений и пустых славословий.

Уф, кажется, закончилось. Вот и Риченд, он направляется к ним. Папа и Эмильена изобразили очередные приветливые улыбки. Совсем скоро эти улыбки превратятся в искренние. Всё же перспектива породниться с потомственным аристократом, пусть и вторым сыном, весьма заманчива для обычного купеческого семейства, пусть и весьма богатого. К тому же, Рич и его семья тоже не бедствуют. Препятствий для этого брака просто нет.

– Иерина Санайя, иера дин Тиаграсса, иер дин Тиаграсса, – обращаясь к каждому по отдельности, начал Риченд, – позвольте присоединиться ко всем прозвучавшим здесь ранее поздравлениям, – ещё один тщательно выверенный наклон головы. – И, иер дин Тиаграсса, мы можем поговорить в более приватной обстановке?

Отец хмыкнул, Эмильена предупреждающе положила руку на предплечье падчерицы. И как только поняла, что Санни собирается последовать за мужчинами.

– Дорогая, позволь мужчинам обсудить свои мужские дела, – в звучном контральто мачехи зазвучали воркующие нотки. Сколь многие люди ошибались, не заметив под их бархатистой мягкостью жёсткости стальных клинков. – Пойдём к гостям. Негоже всем хозяевам сразу их покидать.

Но ведь дело, которое собирается обсуждать Риченд, касается непосредственно её, Санайи. Впрочем, Эмильена, как всегда права. Совсем скоро папа и её жених, уже почти жених, всё обсудят, и тогда уже без неё точно не обойдётся. Очередная улыбка озарила милое личико.

Эта сцена представлялась в мельчайших подробностях. Папа и Рич выйдут, иер Тиаграсса подзовёт к себе дочь, громко попросит у гостей внимания и объявит о помолвке. На пальчике Санни появится заветное колечко. Папины партнёры понимающе закивают головами, их жёны притворно громко разохаются, а дочери кинутся обнимать и поздравлять, даже особо не пытаясь скрыть завистливый зубовный скрежет. Ещё бы, Риченд эд'Рочестер был весьма завидной в их кругу партией. Пусть последнее время и провозглашались идеи равенства всех слоёв населения и всех рас, но аристократы неохотно смешивали свою кровь с простолюдинами, коими являлись почти все здесь присутствующие.

Мысленно уже кружась в первом танце невесты, Санайя широко улыбнулась плотному невысокому мужчине, к которому её подвела Эмильена. Кажется, он был владельцем банка, с которым вёл дела отец.

– Иер дин Пинешту, уж не скучаете ли вы здесь без своих ценных бумаг и векселей? – кокетливо начала разговор мачеха.

– Уже нет, дорогая иера дин Тиаграсса, – собеседник учтиво приложился к её ручке, а затем повернулся к Санайе. – Милая иерина дин Тиаграсса, вы подарите мне этот танец?

Как же не вовремя зазвучала музыка. Санни хотела сегодня танцевать только с женихом. Но и отказать будет очень невежливо. И что папа так задерживается? Решил сразу составить брачный контракт? С него станется. Пришлось прятать подальше раздражение и идти с этим, как его там, иером дин Пинешту. Пф-фф, он ещё и фигуры путает! Вот уж чего никогда не случалось с Ричем. Всё же, обучение с пелёнок никакие дорогие учителя танцев и изящной словесности не заменят, если начать занятия в зрелом возрасте. А иер дин Пинешту был

безнадёжно стар. Ему уже лет сорок было! Нужно держаться от партнёра подальше, а то оттопчет своими лапищами все ноги в белых атласных туфельках.

– Признаю, в танце я не так ловок, как в банковских котировках, – начал разговор дин Пинешту.

– Каждому своё, – Санайе удалось изобразить милую улыбку. Пусть сам понимает, как хочет. Похвалили ли его за знание тех самых котировок или ткнули носом в неумение танцевать.

– Это верно вы заметили, – банкир снисходительно улыбнулся. – Научить танцевать можно и гоблина, а вот держать банк дано не каждому.

Про гоблинов это он зря. Санайя как-то видела на ярмарке выступление их бродячей труппы. Тогда показалось, что у гоблинов совсем нет костей, их акробаты такое выделывали. Ну да ладно, пусть говорит, что хочет, в конце концов, безграмотность иера дин Пинешту в отношении других рас совсем не должна её беспокоить, как не беспокоит его самого. Что какие-то гоблины, когда в наличии имеется целая банковская сеть, некогда интересоваться посторонними вещами.

Музыка наконец-то стихла. Как удачно. Папа как раз появился в зале. Один. Но почему? Иер дин Пинешту подхватил девушку под локоток и повёл к отцу. Мог бы и не утруждаться. Ну да ладно, может, ему тоже нужно в ту же сторону.

– Папа?

– Дочка, вы уже поговорили? Это хорошо.

– О чём ты, папа?

– О вашей помолвке.

– Но, папа, а где?.. – Санайя растерянно огляделась.

– Иер дин Пинешту попросил у меня твоей руки, – перебил её отец.

– Что? – сил хватило только на это коротенькое слово. Какие странные слуховые галлюцинации.

– Иерина Санайя, будьте моей женой! – банкир, пошарив во внутреннем кармане сюртука, отыскал там коробочку, вытащил из неё перстень с огромным бриллиантом и, бухнувшись на одно колено, протянул его девушке.

Это точно не сон и не розыгрыш? Папа да и иер дин Пинешту, особенно иер дин Пинешту, совсем не похожи на шутников. И вот как тут нужно поступить? Так, как очень хочется? Оттолкнуть его протянутую руку и, заливаясь слезами, убежать? Тогда на деловой репутации иера дин Тиаграсса и всей его торговле можно поставить большой и жирный крест. Деловое сообщество этого не простит. Не ей не простит, папе. Санайя, словно чужую, протянула руку, на которую и было торжественно водружено кольцо. Село, словно по заказу делали. Хотя, если в деталях вспомнить весь сегодняшний вечер, так оно и было: Эмильена подвела падчерицу к этому банкиру, и заиграла музыка. Он пригласил её на танец. Очень уж вовремя всё получилось. Так удачно всё разыграли. Если бы это был розыгрыш…

Музыка. Опять играет музыка. Паратен. Танец невесты. Дин Пинешту протягивает руку.

– Иерина Санайя?

Сколько же снисходительности и покровительства в его голосе. Облагодетельствовал. Но сейчас не время для истерики, все ждут: и папа – хмуро и настороженно, и Эмильена – излишне широко улыбаясь, гости – те тоже изображают улыбки каждый в меру своей искренности и артистичности, и сам жених тоже ждёт, что б на его банк внеплановая проверка свалилась. Музыкальный проигрыш начинается вновь. Санайя опирается на протянутую руку и выходит в центр зала. Она не посмеет обрушить папину репутацию. В конце концов, помолвка – это только помолвка, её несложно и расторгнуть.

***

Вечером поговорить с отцом не удалось, он постоянно был занят. Как же, дела. Постоянно дела, которые требую своего решения даже на приёме по случаю

совершеннолетия и помолвки – что б её! – дочери. Одно хорошо, занимаясь тем же самым, её временный жених тоже не надоедал своим вниманием. Ещё и Риченд исчез. Обиделся? А кто бы на его месте не обиделся. Нужно как можно скорее встретиться и поговорить с ним, признаться, что помолвка и для неё стала полной неожиданностью.

А ведь было, было у неё предчувствие, что что-то пойдёт не так, но кто же мог подумать, что всё пойдёт настолько не так. Да и верить тем предчувствиям… это же не сигнал светофора.

Предчувствия. Санни в них не то, чтобы не верила, скорее, не придавала особого значения, считала чем-то вроде предсказания погоды ревматичной тётушкой Джанни: или сбудется, или нет. Но ведь иногда они сбывались. Помнится, когда дочери было всего семь лет, и папа ещё сам ходил на кораблях с товарами, она в ужасе проснулась среди ночи, побежала в спальню к отцу и ревела в голос до тех пор, пока иер дин Тиаграсса не отказался от запланированной через неделю поездки. Тогда с товаром поплыл его младший компаньон. Корабль в порт не вернулся. Были и ещё подобные случаи, когда она просила близких чего-то не делать, и те, не иначе, чтобы не расстраивать девочку, как правило, соглашались. Магия? Нисколько. В папином роду совсем не было магов. И по словам папы, мама тоже была самой обычной.

Маму Санайя совсем не знала. Знала лишь, что привёз её отец уже трёхлетней из одного из своих далёких странствий. Что может помнить трёхлетний ребёнок? Ласковые руки, гортанный напев колыбельной. И море. Ласковое тёплое море. Жаль, что папа не любил вспоминать ту женщину. Лишь сказал, что её звали Уна, что она не пожелала ехать с ними, и тогда он увёз девочку с собой. Ещё сказал, что мама тоже магом не была. Вот и все знания. И ещё огромная витая ракушка, в которой всегда ласково звучало то самое море.

Вечер получился таким изматывающим. Изматывающим не только физически, но и морально. Ничего, завтра будет новый день. Завтра Санни поговорит с папой и, если удастся, с Ричендом. Сегодня уже ничего не решить. А сейчас – спать. Как же она устала.

Ночью, как это бывало не раз, в голову пришло простое и гениальное в своей простоте решение. Она скажет папе, что было предчувствие. Да, именно так. И в этом предчувствии их брак с иером дин Пинешту не ждало ничего хорошего. Ведь Санни даже и не солжёт. Что хорошего может быть там, где нет любви?

Мало того, любовь у неё совсем к другому мужчине. И как это назвать, если не предчувствие?

Эх, нужно было попросить горничную разбудить пораньше, пока папа не ушёл к себе в контору. И как ему удаётся вставать в такую рань, даже после изнурительного приёма. Хотя, он же не танцевал, а занимался своим любимым делом – разговорами с партнёрами или с теми, кого хотел бы таковыми назвать. Отправиться к нему на работу? Бесполезно. Иер дин Тиаграсса редко сидит в своём кабинете, а если и застанешь его там, то обязательно с кучей посторонних людей. Нет, ничто не должно отвлекать папу от серьёзного разговора.

– Санни, девочка моя, ты почему сняла помолвочное кольцо? – поинтересовалась мачеха за обедом, так как завтрак обе женщины с чистой совестью проспали. – Прекрасный перстень. Или он тебе не нравится?

Не нравился Санайе жених. Но объяснять это Эмильене? Уж она точно не виновата в горестях падчерицы и всегда, как могла, поддерживала её. Никогда не нужно срывать своё раздражение на невиновных.

– Сняла на ночь и забыла надеть. Камень путался в волосах. Ты же знаешь, я не люблю перстни, тем более, такие крупные, – отговорка, конечно, так себе, но другой всё равно нет.

–Привыкнешь, – мачеха в успокаивающем жесте положила свою ладонь ей на руку.

Вот и понимай, как хочешь, к чему привыкнет: к кольцу или к жениху. Пожалуй, спорить не стоит, а то станется с них, запрут дочь дома, и даже поговорить с Ричендом не удастся.

– Буду стараться, – Санни выдавила кривую улыбку. – Какие у нас на сегодня планы? Надеюсь, никого не ждём? Я ещё после вчерашнего не отошла.

И ведь даже не обманула нисколько. Весь вечер на ногах. А ещё если взять во внимание потрясение, которое устроил папа, от такого не скоро придёшь в себя.

– На сегодня – только отдых, – иера дин Тиаграсса блаженно улыбнулась. – Нужно просмотреть карточки с ответными приглашениями. Если хочешь, давай проделаем это вместе.

Санайя, не скрываясь, скривилась. Светская жизнь родителей её никогда не увлекала. Чинные посиделки с жёнами и дочерями папиных коллег и партнёров? Это так скучно. Скучнее бывает только на заседаниях попечительских советов.

– Пожалуй, если позволишь, я доверю это ответственное дело тебе, – немного неприкрытой лести никогда не помешает. – Сегодня должна вернуться Дениз.

– Эта взбалмошная девчонка, – сейчас поморщилась уже Эмильена. – Ты не обижайся, но мы с папой считаем, что она дурно на тебя влияет.

– Она моя подруга!

Разговор свернул на сотни раз протоптанную дорожку. Родителям Санайи не нравилась излишне бойкая Дениз эд'Григ дин Тора, ко всем прочим недостаткам ещё и магичка. Что может быть общего у дочери достаточно успешного коммерсанта и у магички, вынужденной учиться, чтобы потом зарабатывать на жизнь собственным трудом. К тому же, ладно бы, владела женщина бытовой магией, одарённые портнихи и парикмахеры были весьма успешны, так нет же, училась на боевом факультете столичного Училища боевой и прикладной магии! Много, ох много воли дали современной молодёжи.

– Да, конечно, я понимаю, – всё же, как хорошо, что мачеха у Санайи понимающая, наверное, ещё не забыла свою молодость, ведь тридцать лет не такой уж и древний возраст. – Вели нашему водителю тебя довезти, куда следует, мне он сегодня не понадобится.

Эх, а вот это уже плохо. С ней отправляют соглядатая. Он, конечно, довезёт молодую хозяйку, куда та скажет, но ведь потом и отчитается перед мачехой, если та спросит, а та обязательно спросит.

– Как было бы проще, если бы у меня был собственный магомобиль, – привычно вздохнула Санайя. Ну да что жаловаться, этот разговор тоже затевался не меньше сотни раз. И что? Как видите, ничего.

Значит, отправиться к Риченду напрямую не получится. Ничего, Дениз что-нибудь придумает. В их тандеме самые отчаянные шалости всегда затевались именно ей. Может, именно поэтому родители и недолюбливали бедовую магичку?

***

– Санни, как же мне тебя не хватало! Прости, прости, прости, что не смогла прибыть на твой праздник. Этот мэтр Дюранг такой вредный… Впрочем, не о нём сейчас разговор. С днём рождения, дорогая подруга! Поздравления прими сейчас, а подарок будет позже, – Дениз эд'Григ дин Тора, не обращая внимания на посторонних, крепко обняла подругу. И как только ей удаётся, даже совершая такие по-деревенски простоватые действия, выглядеть аристократкой до кончиков ногтей, кстати, к слову, даже не накрашенных и коротко остриженных.

– Мне тоже, Денни, мне тоже, – Санайя счастливо улыбнулась. Её школьная подруга рядом, а вместе они обязательно что-нибудь придумают. Вернее придумает Дениз, не может не придумать, ведь она всегда была фонтаном идей. Не всегда безобидных и безопасных, но всегда захватывающих.

– Рассказывай! – это подруги сказали вместе, едва заняв места за столиком в кафе, куда зашли поболтать. Вроде бы и смеяться не над чем, но девушки рассмеялись.

Слушать истории Дениз всегда было интересно. Сказать, что её жизнь била ключом, значит, ничего не сказать. Пожалуй, Санайя была склонна согласиться со словами мачехи, что училище магии – это сумасшедший дом. Там всегда что-то происходило: взрывались лаборатории, сбегали неприкаянные духи. А шутки адептов друг над другом? Одно только безголовое тело, гордо шествующее по коридорам, чего стоит. Рассказы о самых ярких каверзах предшественников передавались из уст в уста, непременно обрастая всё новыми подробностями.

– Ай, да что я, – магичка отхлебнула коуф из миниатюрной чашечки и блаженно прикрыла глаза, – зачёт по редким и исчезающим магическим тварям завалила и перенесла на осень, рассталась с Рогхом, купила старенький магомобиль, теперь воюю с ним, ну и так, по мелочам, в общем, ничего интересного.

В этом вся Дениз. За месяц, прошедший с того времени, как было отправлено последнее письмо, у неё приключилось больше, чем у Санайи за полгода разлуки.

– Рогх? Кто такой Рогх? В последнем письме ты писала про Даллена?

– Я же говорю – ничего интересного. Рогх, Даллен, так, – Дениз легкомысленно махнула рукой, – пустые интрижки. Лучше рассказывай ты, я по глазам вижу: у тебя случилось что-то интересненькое, так?

Санайя знала про её тайную любовь к мечте почти всех девушек училища – мэтру Дюрангу. Но, если не рассказывает, значит, и рассказывать нечего. Уж подруге ли не знать, Дениз только старалась выглядеть легкомысленной особой, а на самом деле её сердце болело от невнимания того, кто даже и смотреть-то на неё не хотел. Можно даже и не спрашивать, заваленный зачёт – его рук дело. Ладно, не хочет пока рассказывать, и пытаться выведать не стоит. Как сочтёт нужным, сама поделится наболевшим, а пока стоит поведать, что же произошло у неё самой.

– Ты же помнишь Риченда, я писала о нём, – взволнованно начала Санайя.

– Ещё бы не помнить, да все твои письма только о том и были, какой он хороший и замечательный! – подруга мученически закатила глаза.

– Дениз, будешь насмехаться, ничего не расскажу!

– Расскажешь-расскажешь. Как миленькая расскажешь. Ты же не хочешь моей смерти от любопытства, – магичка отправила в рот миниатюрное пирожное и, прикрыв глаза, его прожевала. – Не балуют в нашей столовке такими вкусняшками, – пояснила она.

И как можно обижаться на неё? Санайя сделала знак официанту, чтобы тот принёс ещё коуфа и пирожных. Дениз уже давно перестала спорить, когда в таких посиделках за застолье рассчитывалась подруга. К сожалению, дворянская приставка эд к фамилии не гарантировала пухлого кошелька. В будущем девушке предстояло самой зарабатывать на жизнь.

– Так вот, Риченд, – продолжила Санни после того, как официант расставил тарелки и отошёл, – он сделал мне предложение.

– И что? Почему ты такая грустная? Обманул?

– Нет, что ты, Риченд не такой! Папа вчера ему отказал.

– Хм, что-что, но твой папа никогда не был наивным. Делец в лучшем смысле этого слова. Может, он что-то разузнал о твоём прекрасном Риченде? Охотник за приданым? Брачный аферист? Ты уже спала с ним?

– Денни! – громче, чем нужно воскликнула Санни. – Как ты можешь такое говорить?!

– Какое? – ещё одно пирожное отправилось по назначению. Прожевав и выдержав паузу, магичка продолжила: – Что он аферист?

– Что я… что он… что мы. Риченд аристократ! Он не может позволить себе вольности с девушкой!

– А-а. Ну да, ну да. Значит, в постель он тебя не затащил. А то, что может быть аферистом, ты не исключаешь, – задумчиво произнесла Дениз.

– Всё-то ты извратишь. И за что только я тебя люблю.

– За то, что я всегда говорю правду и остаюсь на твоей стороне. Я и сейчас собираюсь тебе помочь. Как, говоришь, его полное имя? Разузнаю про нашего милого Риченда по своим каналам.

– Риченд эд'Рочестер дин Зораст. Только, Денни, это ещё не всё.

– Надеюсь, он не сказал тебе, что женится сразу, как только разведётся с предыдущей женой?

– Денни, ты опять?! Нет у него никакой жены! И, предваряя твои вопросы, денег у него достаточно. И семья приличная.

– Семья приличная, это так. Граф Оргар эд'Рочестер ему кто? Отец или дядя? – вспоминая, Дениз привычно свела брови на переносице.

– Отец. Риченд второй его сын.

– Да, семья приличная. Но это не значит, что…

– Денни, ты будешь слушать или нет?

– Само внимание, – магичка демонстративно отодвинула от себя тарелочку с единственным оставшимся пирожным, при этом проводив его тоскливым взглядом.

– Эх, и как тебе удаётся есть столько сладкого и не полнеть, – сокрушённо заметила Санни, отметив про себя, что нужно попросить официанта приготовить набор из лучших пирожных, чтобы можно было взять их с собой.

– С нашими-то тренировками, – последовал привычный ответ. – Так ты опять хотела пожаловаться на свои милые щёчки?

– Нет, – Санайя постаралась втянуть эти самые милые щёчки. – Я хотела пожаловаться на жениха!

– Аха, – глубокомысленно кивнула Дениз. – Риченд всем хорош, но пожаловаться на него всё же хочется. И какой же в нём изъян? Храпит во сне?

– Денни! – обижаться на подругу никаких сил не хватит. – Я же тебе сказала, что папа отказал. Отказал Риченду, потому что нашёл мне другого жениха. И вчера состоялась моя помолвка.

– Оп-па, а я, кажется, пропустила всё самое интересное, – удивление Дениз было искренним. – Жаль, что не успела на вчерашний приём. И каков он, твой жених? Пухленький старенький толстосум?

– Как ты догадалась?

Дениз неопределённо пожала плечами. А что здесь догадываться? Бедного бы иер дин Тиаграсса своей дочери не сосватал. А пока человек разбогатеет, жизнь пройдёт.

– Денни, ему же почти сорок лет! – для убедительности Санайя широко раскрыла глаза.

– Даже нет сорока? Да разве для мужчины это возраст?

– Это для мага только начало всего, а иер дин Пинешту не маг, а банкир!

– Ого, какой жених тебе достался. Банкир. И банк его не из самых захудалых, – магичка всё же доела оставшееся пирожное. – Мечта.

– Издеваешься?

– Есть немного, – согласилась подруга. Поймав возмущённый взгляд, как ни в чём ни бывало, продолжила: – Ещё проблемы есть? Давай разберёмся сразу со всеми.

– Денни, я говорила, как тебя люблю?

– Сегодня нет. Так что там у тебя?

– Понимаешь, меня теперь не отпускают одну, и я не могу встретиться с Ричендом, а нам очень нужно поговорить! Вчера он исчез, даже не попрощавшись. Ты передашь ему записку?

– Конечно, – покладисто согласилась магичка, – заодно и познакомлюсь с героем твоих грёз.

На этом подруги вышли из-за столика. Санайя забрала заказанную коробку с пирожными и силой вручила её своей спасительнице, а кем ещё можно считать ту, которая совершает столь доброе дело.

На улице каждая села в свой транспорт, одна в роскошный магил с личным водителем, а другая – в дребезжащую всеми запчастями старую развалюху, и,

договорившись встретиться завтра, разъехались.

***

Как всегда после встречи с лучшей школьной подругой Санайя загрустила. Вроде бы у неё было всё: любящие родители, пусть Эмильена и не была ей родной матерью, но достойно её заменяла, платья, украшения, поездки на дорогие курорты, обеспеченное будущее, но иногда так хотелось оказаться на месте Денни. Всё бы отдала. Пожалуй, только кроме родителей. Фиер и фиера эд'Григ дин Тора пропали в одной из экспедиций на Неизведанный Материк, когда девочке было всего тринадцать, и её воспитывала тётя. Что самое возмутительное, после окончания учёбы эта глупая девчонка собиралась отправиться туда же. И ведь можно было не сомневаться, что так и сделает, и спонсоров, и единомышленников найдёт. Ещё не было ни одного начинания, в котором фиерина эд'Григ дин Тора потерпела бы неудачу. Если не считать её тайную безнадёжную любовь к преподавателю.

После встречи с Дениз день скучно пополз к вечеру. Иногда Санайя глубоко в душе даже сожалела об этих встречах. Только привыкнет к размеренному существованию добропорядочной дочери уважаемого коммерсанта, опять появляется подруга, как неукротимый водопад кристальной горной воды в их тихом равнинном озере, где каждый прибрежный кустик и каждая кувшинка растут на тщательно выверенном для них месте. Мелькнёт, как праздничный фейерверк, рассыплется искрами волшебного света, продемонстрирует, что есть совсем другая жизнь, и опять уедет в своё столичное училище. Именно после этих встреч хотелось совершать безумные деяния. Например, поступить в то самое училище. Жаль, что магического дара у Санни не было совсем, даже его зачатков. Поступить в любое другое учебное заведение? Но зачем? Общеобразовательная школа дала достаточный уровень знаний. Получить специальность, чтобы потом ни дня по ней не работать? Напрасная трата времени. Она окончила бухгалтерские курсы. И что? На предложение помочь с делами папа только снисходительно улыбнулся, выделил денег – примерно столько, сколько рядовой счетовод в его конторе получает за год, – и предложил пройтись с Эмильеной по магазинам, чтобы развеять скуку. И как с ним разговаривать.

Санайя равнодушно отнеслась к роскошному букету, переданному ей от имени навязанного жениха, и велела поставить его в общей гостиной, спокойно отреагировав на удивлённый взгляд Эмильены. Ещё бы, счастливая невеста

непременно утащила бы его к себе в покои. Так она и поступала с букетами от Риченда. От иера дин Пинешту даже цветы не хотелось допускать в свои в комнаты, пусть цветы, до которых банкир, скорее всего не только не дотрагивался, но даже не видел, ни в чём не виноваты.

Сегодня она твёрдо решила дождаться прихода отца. Папа же, как назло, задерживался, даже к ужину не пришёл. В этом не было ничего удивительного. Это простой клерк может отложить в шесть часов вечера свои бумаги и пойти домой, а у его начальника день ненормированный. Деловой ужин, а то и очередное заседание, могли затянуться допоздна.

Звякнул звонок входной двери.

– Папа! – Санайя опередила лакея, дожидавшегося прихода хозяина, сама открыла входную дверь и чмокнула отца в щёку. Не то, чтобы это проделывала постоянно, но задобрить его не помешает.

– Дочка. Ты почему не спишь? – от иера дин Тиаграсса пахло дорогим алкоголем. Значит, задержался на ужине. Уже неплохо. Выпив, отец пребывал в благодушном настроении.

– Тебя жду. Нам нужно поговорить.

– Девочка моя, все вопросы по организации свадьбы взял на себя твой жених. Вам с Эмильеной остаётся подобрать для себя платья и прочие побрякушки. Я уже дал распоряжение насчёт денег. Я так устал. Пойдём отдыхать, а? – он, не желая проходить в гостиную, остановился у лестницы, ведущей на второй этаж, к личным покоям.

– Папа! – Санайя встала перед отцом и некрасиво упёрла руки в бока. – Ты знаешь, о чём я хочу поговорить!

– О чём? Твой разговор не может подождать? – он устало провёл ладонями по лицу и уселся прямо на ступени.

– До какого времени, папа? Ты всегда занят, а дело неотложное. Я не хочу замуж за Пинешту! Я его не знаю, не люблю и никогда не полюблю! Я другого люблю,

папа!

– Дочка, – терпеливо, как когда-то давным-давно, когда она была ещё ребёнком, обратился к ней отец. – Этот брак – дело решёное. Бартон дин Пинешту – мой деловой партнёр, у нас с ним множество финансовых интересов и общих капиталов. Он не пустит твоё приданое по ветру.

– Папа, Риченд тоже не какой-нибудь вертопрах, он из уважаемой аристократической семьи, да и сам далеко не беден!

– Санни, ну зачем тебе аристократ? Они же совсем другие! При встрече жмут нам руки, улыбаются, а сами, как и века назад, презирают! Мужчины будут видеть в тебе симпатичную куколку, с которой можно будет попробовать закрутить роман, а женщины… милая моя девочка, ты не подозреваешь, сколь непримиримы могут быть женщины к тем, кого они считают недостойными. А они обязательно будут считать тебя недостойной стать одной из их круга! Сама говоришь: младший сын эд'Рочестера завидный жених. Сколько матримониальных планов ты разобьёшь своим браком? Да они тебя съедят! Медленно и с улыбкой.

– Рич не такой. Он не позволит, – надулась Санайя. Эх, ей бы красноречие Дениз, та бы уж точно смогла объяснить, что Рич – лучшая партия.

– Глупости всё это, – отмахнулся иер Тиаграсса. – Уж поверь своему опытному папке, я этих аристократов повидал на своём веку.

– Папа, Дениз тоже аристократка!

– Очень достойный пример, – укоризненно покачал головой мужчина.

Да, пожалуй, достоинства Дениз в этой семье замечала только сама Санайя.

– Папа, но Пинешту в два раза старше меня! – и как сразу не вспомнился это довод.

– Я тоже в два раза старше Эмили, и что? В мужчине главное – мудрость, дочка. И приходит она с годами. К сожалению, не всегда, далеко не всегда.

Признаюсь, – он заговорщицки приглушил голос, – я ни за что бы не выдал тебя за того обалдуя, каким был сам в двадцать пять лет. Да-да, это чистейшая правда! У тебя ещё есть время осознать, как же тебе повезло, моя вещунья, – проговорил отец и, поднявшись со ступеней, пошёл наверх, давая понять, что разговор окончен.

Вещунья. Давно папа так её не называл. Точно, она же забыла про свой главный козырь!

– Папа, у меня нехорошее предчувствие! – крикнула ему вслед Санни.

– Это всего лишь предсвадебное волнение, – даже не остановившись, пояснил Леандр дин Тиаграсса. – Всё будет хорошо, это я тебе обещаю.

Оставалась одна надежда – на Дениз, уж она точно не бросит подругу в беде.

Глава 2

Как много дел появляется у невесты перед свадьбой! И это при том, что основные хлопоты взял на себя жених. Конечно, не сам он всем занимался, заплатил знающим людям, они всё организовывали: само бракосочетание, последующий приём, даже ежедневные букеты и подарки, которые невеста даже не открывала, а равнодушно складывала в один из ящиков комода или, если таковые были особо крупными – в угол за креслом в гостиной.

И зачем так спешить со свадьбой? Всего месяц на организацию торжества, которое должно состояться непременно в самый длинный день в году. Ох уж эти предрассудки. Взрослые люди, и росли далеко не в дикой глуши, а верят в древние приметы. Ладно бы ещё имели какое-то отношение к магии. Не иначе, как новомодной блажи поддались. Не сам ли папа уверял, что верит только в подтверждённые фактами и звонкой монетой цифры, а туда же. Не хватало ещё мужа, помешанного на дремучих суевериях. И это в век, когда даже под магию подводят обоснованную научную базу.

Впервые Санайя ходила по портным и ювелирам без обычного удовольствия. И это при неограниченном кредите от папы! Не исчезало ощущение, что покупаются все эти многочисленные наряды, обувь и украшения не для неё, а для иера дин Пинешту. Вот пусть бы сам и рядился в них! Чисто из вредности для обряда бракосочетания выбрала туфельки на высоченном каблуке. Да, жутко неудобно, но зато она будет смотреться выше своего жениха. Ох, это что же, уже и со свадьбой смирилась? А как не смириться. Дениз после того разговора пропала, уже неделю от неё нет ни слуху, ни духу. Риченд? Риченд тоже исчез. И это тревожило больше всего. Сам не искал встречи? Или же его не подпускали близко к особняку дин Тиаграсса? Верилось, что последнее. Рич не из тех, кто так сразу сдаётся. Он найдёт возможность встретиться.

Санайя и Эмильена спускались по ступеням кафе, куда заходили перекусить после утомительного забега по магазинам, как послышался знакомый голос:

– Санни! Ты вернулась? А мне сказали, что ты уехала в поместье жениха, где и будет проходить бракосочетание.

– Денни! – Санайя кинулась к подруге, выбравшейся из своего магомобиля. – Куда ты пропала?

Девушки радостно обнялись, а потом, словно по команде, посмотрели на Эмильену. Нетрудно было догадаться, от кого могла исходить такая информация.

– Эмили, зачем вы сказали Дениз, что я уехала из города? Что это может значить?

Этот бесчестный обман не на шутку разозлил. Её единственную подругу обманули! И это тогда, когда Санни в ней особо нуждалась. Хотя, чему удивляться, потому и обманули.

– Здравствуй, Дениз, – спокойно поздоровалась Эмильена, – рада тебя видеть, – ну надо же, рада видеть. – Ты уж прости, поездку пришлось немного отложить. У нас столько дел в городе: портнихи, ювелиры. Санайя в вечных хлопотах. Бедняжка так устаёт.

– Эмили, для встречи с подругой я всегда найду время и силы! – прервала неискренний монолог Санни. – И ты мне не ответила: что за поездка? Какое поместье? Разве свадьба состоится не в Сторхеде?

– Ну как же, у иера дин Пинешту в РозальИ имеется своё поместье. Свадьба будет проходить там. Ах, – мачехе даже удалось изобразить сожаление, – твой жених хотел сделать тебе сюрприз, а я проболталась. Но что мы стоим на ступенях? На нас уже обращают внимание.

– Денни, ты куда-то спешишь? – поинтересовалась Санайя.

– Я до самой осени никуда не спешу, – фиерина эд'Григ улыбнулась самой очаровательной своей улыбкой.

– Значит, едем с нами? Поболтаем, – и, не дожидаясь подтверждения от Эмильены, направилась к магомобилю, поджидавшему их на стоянке.

Подруги заняли заднее сиденье, уступив почётное переднее старшей даме. Очень хотелось опустить звуковой полог и узнать, как же там Риченд, но это было бы уж совсем невежливо и, что гораздо хуже, подозрительно. Ничего, у них будет время поболтать. Пока же можно поговорить на другие темы. Благо, у Дениз с этим проблем нет.

– У твоего жениха поместье в Розальи? – начала разговор магичка. – Надо же, насколько я знаю, приобрести там даже клочок земли очень сложно. И не потому что дорого, а потому что никто не продаёт. Это же не просто кусок земли, это древние земли, со своей древней, почти реликтовой магией. Магией самой природы. Слышала, у нашего училища есть там совсем небольшой учебный центр. Самые лучшие ведуньи в нём проходят практику.

– Нет вещей, которые не продаются, есть люди, которые предлагают недостаточно денег.

И зачем мачеха это сейчас сказала? Решила ткнуть Дениз в её не слишком достойное финансовое положение? Санайя виновато глянула на подругу, безмолвно прося прощения. Нет, Эмильена хорошая, как хозяйка и как мать, но иногда могла выдать что-либо подобное. Вот уж кто была настоящей классической купчихой: в меру плотная, в меру недалёкая, делами мужа

интересующаяся только в той мере, когда подавать обед или ужин и что ему надеть на то или иное мероприятие.

– Очень жаль, если это действительно так, – а этот ответ вполне в духе фиерины эд'Григ. Пора бы перестать удивляться, за что же родители её недолюбливают. Санайя осторожно пожала подруге руку. С Эмильены станется придумать что-нибудь столь же глупое и оскорбительное, чтобы не пустить Дениз в дом, а поговорить с ней очень нужно.

До самого дома ехали, обсуждая уже совершённые покупки и список того, что ещё необходимо купить и заказать. Говорила большей частью иера дин Тиаграсса, причём на каждый перечисленный предмет Дениз смешно закатывала глаза и округляла рот, изображая, как же она поражена масштабами предстоящего действа. А ведь и правда, зачем молодой жене шесть дюжин новых батистовых платочков? Это при том, что и сейчас в них нет недостатка.

– Как зачем? – Эмильена даже поперхнулась. – А монограмма?

– Ах, да, монограмма. И как я сама не догадалась, – покаялась подруга.

И как с ней сохранять серьёзный вид? Видимо, этому специально обучают в их магическом училище. Хорошо, что мачеха не видит, как Санни кусает губы, чтобы не рассмеяться.

Когда магомобиль остановился у ступеней особняка, подруги, не дожидаясь, пока лакей поможет старшей хозяйке и откроет им дверцы, сами выбрались из салона и поспешили в дом. Уж теперь-то Дениз точно не выгонят, особенно, если девушки пройдут в комнаты Санайи. Не то, чтобы вход Эмильене туда был запрещён, но врываться без повода и оставаться, чтобы послушать их разговоры, это уже и для самой невоспитанной купчихи было бы чересчур, а иера дин Тиаграсса позиционировала себя как очень утончённую даму. Сейчас это было как нельзя кстати. Подслушивающий артефакт? Папа мог позволить себе такой. Ну и что артефакт? У них в наличии целая магичка. Уж нейтрализовать действие какого-то ширпотреба, может быть, даже весьма дорогого и красивого, для специалиста труда не составит. Сложнее здесь другое. Заставить поверить, что они ничего не скрывают.

– Ну что, что? – Санайя набросилась на подругу сразу же, как только за ними закрылась дверь.

– Видела, разговаривала, ничего не нарыла, но продолжаю рыть, – была иногда у Дениз такая манера изъясняться. Вроде бы коротко, но ёмко. И означать это могло одно: предмет разговора ей не нравился.

– Да что там рыть, Денни! Я, я же люблю его, понимаешь?

– Понимаю, – без тени улыбки кивнула магичка. – А потому мы с тобой сейчас кое-что сделаем. Так-так-так, – она огляделась и указала на кресло с высокой спинкой. – Садись сюда!

Санайя послушно заняла указанное место. Похоже, у подруги уже созрел план.

– Прикрой глаза и думай о своём драгоценном, – Дениз зашла сзади и приложила прохладные пальцы к вискам.

– О Риченде? – решила уточнить подопытная, а им предстоял какой-то магический опыт, это несомненно.

– Можешь о банкире, тебе решать, кто больше из них нравится. Проверим тебя на приворот. Я не такой уж крупный специалист в этом деле, но присутствие принуждения обнаружить смогу. Расслабься.

Опять возмутиться и обидеться? Дениз такой человек, с которым проще согласиться. Да и пусть сама убедится, что никакого принуждения нет. Только любовь. А то ведь с неё станется и отказать в помощи. Или всё сделать по-своему. Санайя откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и предалась приятным мечтам.

По вискам побежали перемежающиеся волны тепла и прохлады. Они вздымали волоски на голове и отвлекали от приятных дум.

– Не ёршись! – прикрикнула магичка, слегка сдавив пальцами голову.

– Щекотно же.

– Да? Надо же. Значит, получается. Замри!

Это что, Дениз не уверена, получится ли у неё что-нибудь? А вдруг… вдруг она возьмёт и выключит любовь? Как самый обычный светильник?

– Денни, может не надо, а?

– Уф, всё! – подруга утомлённо тряхнула руками и рухнула на диванчик. – Знаешь, я бы сейчас не отказалась от чая. Того самого, который мы сами заваривали в дальнем конце вашего сада из собственноручно собранных травок. Вернее, ты собирала и заваривала. Помнишь? Ничего лучше я не пробовала.

Как не помнить их игры в великосветских дам.

{Подруги утащили с кухни старый чайник и один из многочисленных сервизов Эмильены, и Дениз показывала Санни, как аристократки пьют свой аристократический чай. Кипяток грели тут же, на сооружённом Дениз костре, а скатертью служил обычный плед. Собственно, огонь и был единственным вкладом магички в их чаепития.

– Денни, ну что за веник ты насобирала! – укоряла Санни подругу, рассматривая принесённые той травы для заварки.

– Мой букет ничуть не хуже, чем твой! – для порядку возмущалась та.

– Ну да, ну да, особенно этот болиглав и вот эти милые синие цветы. Небо в алмазах увидеть хочешь?

– А так можно? – глаза юной исследовательницы загорелись нехорошим азартом. – А откуда это тебе известно?

– Не знаю, но проверять мы не будем.

– Опять предчувствие? – Дениз сразу стала серьёзной.

– Да. Нет. Не знаю, но давай заварим эти травки, ладно? Они полезные и вполне безобидные. А твой прелестный букет поставим в вазу.}

– Я велю принести чай и что-нибудь перекусить, – оторвалась от воспоминаний Санайя, подскочила с кресла, на котором сидела, и укоризненно ткнула в подругу пальцем. – А ты рассказывай. Убедилась, что у нас с Ричендом всё честно?

– Принуждения или приворота на тебе нет, – задумчиво проговорила гостья.

– А я что говорила! Сколько можно всем повторять. Денни, – иерина дин Тиаграсса замерла и опять опустилась в кресло, – или ты не веришь, что в меня можно влюбиться? Просто в меня? Не как в дочь богатого человека, а как в простую в девушку с далеко не идеальной фигурой, да что уж там, в некоторых местах весьма пухлую, не аристократку, не магичку.

– А ну не смей раскисать! – Дениз поднялась с дивана, и даже притопнула ногой, грозно нависнув над подругой.

Горничная, именно в это момент зашедшая в комнату с подносом, уставленным многочисленными тарелочками, шарахнулась от странной гостьи и чуть не выронила тот самый поднос из рук.

– Не понимает своего счастья, – пояснила магичка своё поведение и, забрав угощение, поставила его на столик. – Благодарю вас, иерина, можете быть свободны, дальше мы сами.

Если служанке и было велено остаться в комнате девушек подольше и послушать, о чём те говорят, то после столь недвусмысленного распоряжения пришлось уходить.

– Обожаю угощения иеры Эмильены! – восторженно простонала Дениз и, подняв чайничек повыше, стала наливать чай. Горячая жидкость звонкой струйкой побежала в чашку, а магичка меж тем продолжила: – Так о чём это я? О твоём счастье? Где ты ещё найдёшь человека богаче и серьёзнее? Поместье в Розальи. Это же мечта! Да я лично готова тащить тебя к алтарю! Ты ведь пригласишь меня туда погостить? Или зазнаешься и забудешь про нищую магичку?

Кипяток из первой чашки побежал во вторую. И опять Дениз подняла её настолько высоко, что вода громко зажурчала. А потом ещё и ещё.

– Отличный чай!

Был у Санайи такой недостаток: в странных ситуациях она могла потерять дар речи. Вот и сейчас она не знала, что сказать, а Дениз вела себя более чем странно. Чего только стоили её слова! И это не говоря о действиях. Хотя… иногда молчание и правда, золото. Магичка присела перед столиком почти на колени и, жестом подозвав подругу к себе, указала пальчиком на одно из украшений блюда с пирожными – украшении, и цветом, и формой выделявшемся из общего рисунка. Подслушивающий артефакт? Чтобы не выдать себя ненужным восклицанием, хозяйка покоев прикрыла губы ладошкой. Гостья утвердительно кивнула и указала глазами на спальню. Но и в спальне они не задержались, а прошли прямо в ванную, где включили воду.

– Так-то оно лучше будет, – удовлетворённо произнесла Дениз. – Пусть послушают. Говорят, шум воды успокаивает и настраивает на миролюбивый лад. Итак, у нас есть немного времени, пока иера Тиаграсса не поймёт, что её дурят. Так вот, повторяю, принуждения и приворота на тебе нет. Но есть что-то странное, – она виновато глянула на подругу. – Я не менталист и не специалист в области воздействия на разум, я только учусь на боевого мага. У нас всё проще: делай заклинания мощнее, кидай точнее, у менталистов же совсем другие законы. И то, что есть у тебя в голове, оно, как бы это сказать, оно или твоё родное, или ты живёшь с этим так давно, что уже с ним сроднилась. Вряд ли это действие эд'Рочестера. Знаю, я тебе не помогла. Извини.

– Как не помогла! Ты убедилась, что моя любовь настоящая! И теперь ты нам поможешь, да?

– Куда же я денусь, – вздохнула подруга. – Мне не привыкать выслушивать укоры от твоих родителей. А теперь – пить чай!

Когда иера Тиаграсса появилась в гостиной падчерицы, подруги чинно пили чай и с восторгом рассматривали образцы постельного белья, предназначенного в приданое счастливой невесте.

***

Вечером за ужином, когда – редкий случай – вся семья собралась вместе, Санайя поставила ультиматум: или её единственную настоящую подругу беспрепятственно к ней пропускают, или она будет вести себя, как плохая дочь. Как ведёт себя плохая дочь? Пусть родители об этом додумывают сами. Папа тяжело вздохнул, Эмильена обречённо закатила глаза, а братец Лео незаметно для родителей одобрительно оттопырил вверх большой палец и подмигнул. Хоть кто-то в этой семье её поддерживает.

К слову сказать, фиерина Дениз не злоупотребляла гостеприимством дома Тиаграсса, она появлялась в оговорённое время, со знанием дела осматривала всё увеличивающееся приданое, чинно пила чай, и всё это на виду иеры Эмильены. Упрекнуть магичку было не в чем. Ну, если не считать записочки, тайно передаваемые в моменты, когда девушки традиционно обнимались при встрече.

Каждое из посланий зачитывалось почти до дыр, ведь писал их любимый. Писал, как страдает в разлуке, успокаивал, обещал, что они с Дениз обязательно что-нибудь придумают, мало того, план понемногу выкристаллизовывается. Ответные письма были полны нежности и надежды.

Всё же, вредная у неё подруга. Пользуется тем, что при Эмильене её нельзя взять за грудки и вытрясти правду. Как она собирается помогать? Что у них за план? Ведь день бракосочетания всё ближе. Предполагают устроить побег? Но всё равно нужно бы предупредить. Ещё и иера Тиаграсса, словно предчувствую такую возможность, забрала все сколько-нибудь ценные украшения падчерицы, якобы для того, чтобы отдать их в чистку перед свадьбой. И с чем бежать? С шестью дюжинами батистовых платочков? Совсем уж нищей бесприданницей Санайе быть не хотелось.

– Я работаю над твоей проблемой, – вот и все объяснения.

Ещё две недели подготовки к свадьбе пронеслись бешеным галопом. Настал день отъезда в Розальи. Эмильена, Санайя и Дениз – как же без неё – выезжали заранее. Леандр дин Тиаграсса и Бартон дин Пинешту не могли позволить себе на столь долгое время отложить дела, и собирались прибыть позже. Кто бы сомневался, дела – прежде всего. Впрочем, не очень-то и нужно, жених мог бы вообще не приезжать. У нас на примете есть другой, более подходящий.

Розальи. В любом другом случае девушки пищали бы от счастья. Хотя, Дениз так и делала. Она всю дорогу восхищалась местом, куда им следовало прибыть.

– Да подруги, когда узнают, что мне удалось там побывать, обзавидуются! – восторженно вещала она. – Не каждой ведунье удаётся там побывать, что уж говорить о простой магичке. Да на всей Играте* таких мест всего несколько! – здесь Дениз смолкла, ведь её родители пропали, отправившись на исследование одного из подобных. Где теперь они? Хотелось, конечно, верить, что живы. Но прошло шесть лет. Уж маги могли бы передать весточку.

Санайя молча положила ладонь на руку подруги. Слова здесь не помогут.

– Я их найду! – глаза магички сверкнули привычным фанатизмом. Такая, целеустремлённая, фиерина эд'Григ была гораздо привычнее притихшей и растерянной. – Надеюсь, нам будет позволено глянуть на Священный Лес хотя бы издалека? – невинно поинтересовалась она у Эмильены.

Мачеха замялась. Не хочет отвечать? Но, если бы ответ был отрицательным, она бы с радостью его озвучила, ведь так? Её молчание насторожило. Предчувствие?

– Эмили, почему ты молчишь? Что запланировал Пинешту, Эмили?

– Дорогая, ты же знаешь, я никогда не вмешиваюсь в мужские дела, знаю только, что свадьба будет необычной, – как можно беспечнее ответила иера дин Тиаграсса.

Санайя хотела продолжить допрос, но здесь уже Дениз сжала её руку. Намекает, что нужно помолчать? Что-то знает? Наверняка. Как же раздражает неведение. Ну что, так уж сложно было объяснить в записке, чего стоит ожидать? Всему своё время, всему своё время. А если она раньше умрёт от волнения и любопытства?

***

– О, смотрите, горы Тогрин. Говорят, сотворённые самим богом смерти Тогриттом для своих тёмных созданий, – Дениз едва не прилипла к окну носом, привлекая внимание спутников к темнеющей вдали горной гряде. – Такие красивые

издалека. Величественные. К тому же, весьма богатые недрами. Мы близ них летом проходили практику. Интересные твари, скажу я вам, там водятся. Да, совсем не курортное местечко. Тем не менее, и там живут. Правда, людей мало, большей частью гномы. Из тех, что умеют договариваться с сущностью гор. Таких умельцев твари предусмотрительно обходят стороной.

Дальше последовала обстоятельная лекция по тварям, кишащим в небезопасных горах, о добываемых там камушках и редких минералах для артефактов. Интересно и познавательно, но совсем не свойственно для Дениз. Заговаривает зубы? Скорее всего. Только вот кому? Эмильене, Санайе или им обеим?

О тайнах и магии самого Розальи за оставшуюся дорогу не было сказано ни слова.

В поместье иера дин Пинешту наши путницы прибыли поздно вечером, уставшие и голодные. От самого Даонга, где они пообедали в придорожном кафе, им не встретилось ни одного приличного места, где можно было перекусить. Знали бы заранее, велели бы положить снеди с собой. Совершенно дикие места, как будто цивилизация находится не в полудне пути, а на другом конце света. Даже деревья здесь намного выше. И совсем нет возделанных полей. В последние часы дороги беседа смолкла сама собой. О магии – древней и могучей, незримо присутствующей вокруг и ощущающейся даже совсем немагической Санайей, как нечто вполне материальное, снисходительно позволяющее мелким мошкам пользоваться её щедротами, – по молчаливому согласию больше не говорили. Безобидные пустяшные темы иссякли сами.

Без единого скрипа распахнулись могучие ворота. Они что, ведут в настоящий замок? Жаль, что для прибытия гостий управляющий не удосужился включить полное наружное освещение. Сколь бы девушки ни устали, но осмотреть дом, в котором им предстоит провести некоторое время, очень хотелось.

Фары магомобиля отчаянно высветили перед собой крупные камни брусчатки внутреннего двора. Загорелся свет над входом – основным или нет, уже неважно – главное, здесь есть такие блага цивилизации, как обычный электрический свет. Магам-то что, они сами себе светильники, а Санайе не хотелось бы жить со свечами. Хотя, в этом случае она потребовала бы одну комнату с Дениз на двоих. М-да, в любой ситуации можно найти положительные стороны, стоит только поискать. К сожалению, вариант с общими покоями отпал. Всё больше светильников освещало дом, и правда, весьма напоминающий древний замок.

Сноровистые слуги вежливо, но непреклонно развели гостий каждую в отведённые покои и так же вежливо посоветовали не бродить ночами по замку. Ужин принесли каждой в её комнаты.

И к чему вся эта таинственность? Запугивают, чтобы невеста не сбежала раньше времени? Или в замке и правда, могут водиться привидения? Духи тех, кто жил здесь задолго до появления иера Пинешту. Они, как известно, не очень-то и приветливы к самозванцам. Духам плевать на чужие богатства и на то, что их, духов, купили вместе с этими древними стенами.

Санайя равнодушно отметила шикарную обстановку комнаты, в которую её привели, покорно позволила появившейся пожилой горничной раздеть её и довести до не менее богато обставленной ванной комнаты, быстро помылась, перекусила, даже не почувствовав вкуса принесённой служанкой еды, и забралась на кровать, бывшую едва ли не в три раза больше, чем её собственная в родительском доме. Осмотр покоев и самого дома был отложен на завтра. А сейчас – спа-ать!

***

– Пс-сс, Санни, ты что, спишь?

– А? Что? Денни, это ты. Что ты здесь делаешь? Мы убегаем, да? – сладкий сон, уже распахнувший свои ласковые объятия, стал нехотя развеиваться.

– Никуда мы не убегаем, – подруга по-свойски забралась под одеяло и несколько раз подпрыгнула на мягком матрасе. – А ничего так. Когда ещё мне удастся полежать в кровати хозяйки настоящего замка.

– Какой ещё хозяйки замка? – кажется, Санайя ещё не вполне отошла от дрёмы.

– Ну, если учитывать, что моя спальня уступает размерами твоей кровати, занятный магический фон в твоих покоях и вон ту дверцу, – Дениз небрежно послала магический светлячок к дальней стене, в которой и правда, была не замеченная ранее дверь, – то можно предположить, что тебя поселили в покоях хозяйки.

– Постой, он что, в любой момент может зайти ко мне?! – если раньше сонливость отказывалась покидать, то сейчас исчезла без лишних уговоров.

– Думаю, да. Я и запоров с твоей стороны не вижу, – беспечно отозвалась Дениз, удобнее устраиваясь на многочисленных шёлковых подушках. – Только его же здесь нет, так что, не сегодня.

– Уф, умеешь ты обрадовать.

– Да, я такая, – самодовольно ответила подруга.

– Денни, что мы будем делать?

– А что делать? Готовиться к свадьбе. Нельзя упускать из рук такое счастье. Спи и мне не мешай спать. Я, собственно, к тебе за тем и пришла. Боюсь я одна в комнате оставаться!

Это Дениз-то боится оставаться в комнате одна? После её рассказов о приключениях в горах? После уверений, что она обязательно отправится в Неизведанные Земли? Ну-ну.

Магичка шумно заворочалась, обозначая, что устраивается на ночлег. Даже засопела. Сейчас ещё и похрапывать начнёт. Только Санайя улеглась и прикрыла глаза, как подруга опять выбралась из-под одеяла и, поводив руками, что-то забормотала.

– Ну вот, теперь можем спокойно поговорить. Эй, ты что, опять спишь?

– Да не сплю я, не сплю. Жду, когда разрешишь говорить.

– Говори, полог установлен, – милостиво разрешила Дениз.

– Нет, это уж ты говори! Каков наш план? Чего мы ждём? Ты меня охранять от Бартона Пинешту пришла, да? Мы сегодня убежим?

– Ой-ой-ой, сколько вопросов, – нет, эту несносную магичку точно нужно когда-нибудь прибить. – Ещё чего, охранять. Он и сам до свадьбы к тебе не сунется.

– А почему? – не то, чтобы Санайя расстроилась, но лучше быть уверенной, что её чести, приберегаемой для любимого, ничто не угрожает.

– А здесь начинается самая интересная часть действа под названием Свадьба иерины Санайи дин Тиаграсса, – загадочно проговорила подруга. Опять её шутки? Нет, на этот раз Дениз говорила серьёзно. – Понимаешь, меня насторожило, что свадьбу хотят провести именно в Розальи. Ну не тянет иер дин Пинешту на романтика, ты уж прости, что я так отзываюсь о столь достойном члене финансовой верхушки королевства, – в ответ на эти слова невеста несостоявшегося романтика лишь иронично фыркнула. – Ехать так далеко ради какой-то свадьбы, даже собственной? Нерационально. Значит, он хочет получить что-то другое.

– Что? – последовал закономерный вопрос.

Дениз взбила подушки, уселась поудобнее, аккуратно расправила складки на одеяле и лишь потом торжественно ответила:

– Не знаю!

– Милостивые Алай и Алая, я никого не хочу убивать, – Санайя прикрыла глаза. – Ни навязанного жениха, ни эту девицу, которая пытается называться моей подругой. Хотя сами видите, её есть за что убить!

– Санни, ну подумай сама, что тебе даст моя смерть? Если иер дин Пинешту решит, что ты для него дороже торжества закона и справедливости, он, не задумываясь, поможет спрятать мой хладный труп, и ваша свадьба состоится, как ни в чём не бывало. Если же решит, что выдать тебя правосудию будет выгоднее, то тебя посадят. Где твоя выгода? Опять же, ты не забыла, что я почти боевой маг? Меня так просто не убить.

– Умеешь ты всё разложить по полочкам, – Санайя схватила подругу и, весело хохоча, они покатились по кровати.

– Ну так что, будешь слушать дальше? – магичка вновь стала серьёзной.

– Конечно буду!

– Думаю, он хочет провести священный обряд. Иначе зачем ещё устраивать свадьбу именно здесь. Сама подумай: места с древней ведовской магией, самый длинный день – вернее, самая короткая ночь – в году. Я, в отличие от некоторых, по магазинам не бегала, а занималась делом и почитала кое-что про такие вот места силы. К сожалению, в Сторхеде в открытом доступе всё больше мифы и легенды, но и в них, если постараться, можно найти здравые мысли и правдивую информацию.

– Денни, ну не тяни же! – Санайя подхватила рассказчицу за руку и крепче к ней прижалась.

– Так вот, о чём это я, о здравых мыслях? – как ни в чём ни бывало, продолжила Дениз, на что её нетерпеливая подруга лишь тяжело вздохнула. – Ну да, о них. Вычитала я в тех старинных сказаниях, помимо всяких страстей о местной нечисти, несколько вполне правдоподобных историй. И все они о ведуньях, раньше называемых ведьмами. Эти истории вполне вписываются в современные реалии этого места. Розальи, вернее Священный Лес – место силы ведьм. Я уже говорила тебе, что сюда привозят наших самых лучших учениц. К сожалению, ведуньи – очень закрытый клан, они не распространяются, что же с ними здесь происходит. Один вывод можно сделать однозначно: здесь они обретают особую силу.

– Подожди, – Санайя даже приоткрыла пухлый ротик, – ты хочешь сказать, что иер дин Пинешту – ведунья или, как будет правильно, ведун?

– Ведьмак, – даже не улыбнувшись, поправила подруга. – Но нет, думаю, это не наш случай. Не тот возраст у твоего жениха, чтобы открывать спящие ведовские силы, вернее, не то физиологическое состояние.

– Это как?

– Священные места придают силы только чистым телом, иначе девственникам. А ты же не питаешь иллюзий, что твой жених до сих пор невинен?

Санайя молча замотала головой. Начнёшь говорить, а Дениз опять отвлечётся, или сама заговорит на щекотливую тему. Подруге так нравится её смущать.

– Так вот, – продолжила магичка, – подведём итог. Что мы имеем? А имеем мы священное место, особенный день и девственницу, то есть тебя!

– Денни, – иерина дин Тиаграсса в ужасе прикрыла раскрывшийся рот ладошкой, – ты хочешь сказать, он хочет принести меня в жертву?! Но папа никогда бы…

– Тьфу на тебя! – в сердцах ругнулась магичка. – Стал бы он с такой помпезностью обставлять убийство. Если и будет жертва, то твоей девственности! Скорее всего, где-то в Священном Лесу, а не на этой роскошной кровати!

– А зачем?

– Что ты знаешь о своей маме, Санни? О настоящей маме, не Эмили?

– Почти ничего. Папа привёз меня из одного из своих плаваний, когда мне было три года. Что я могла запомнить? А сам он никогда о маме ничего не говорил. Всегда злился, когда я начинала о ней расспрашивать. Я до сих пор не знаю, жива она, или же просто от меня отказалась. Обычная островитянка, вот и всё, что мне известно.

– Помнишь, я говорила, что в твоей голове как будто блок стоит? Давний. Вполне возможно, что он естественный, не наведённый. А если и наведённый, то не нашими, магическими методами, а… более тонко, что ли. Ведуньи, в отличие от магов, пользуются совсем другими силами, силами самой природы. Такую волшбу отследить сложнее. Она как бы это сказать, естественная! – оживилась Дениз, подобрав подходящее слово. – Ну так вот, если этот блок снять…

– Что? Что тогда будет?

Не желая повторять обидное «Не знаю», подруга глубоко вздохнула, а потом сообщила:

– Думаю, Бартон Пинешту хочет разрушить этот блок и получить в своё пользование то, что из тебя получится, подруга.

– Бр-рр, надеюсь, не монстр из страшных сказок.

– Доставучим монстром ты являешься уже сейчас, – Дениз ловко увернулась от удара подушкой и продолжила: – А вот твои неясные предчувствия могут иметь под собой вполне обоснованную почву. Ты можешь оказаться предсказательницей, Санни. Их почти не осталось. Прикинь, какое удачное капиталовложение для банкира. И потом, брак, проведённый по всем древним правилам, связывает людей на самом глубинном, магическом уровне и нерасторжим. Если у Пинешту всё получится, ты будешь предана ему навсегда. Правда, как и он тебе. Даже если бы кто-то из вас задумал этот самый брак нарушить или разрушить.

– И что же нам делать? – вопрос прозвучал жалобно и растерянно.

– Нам, – хмыкнула магичка. – Делать всё предстоит тебе. Добрая милая Дениз лишь организует твоё счастье, подружка, а ковать его ты будешь сама. Мы перехитрим Пинешту на его же поле! Правда, это случится только в том случае, если боги сочтут, что этот твой эд'Рочестер подходит тебе больше, чем Пинешту. Слушай, что я узнала из тех же легенд, – поёрзав, она устроилась в подушках поудобнее. – Есть где-то здесь священное место. Алтарь – не алтарь, поляна – не поляна, пещера – не пещера, в разных источниках описывается по-разному. Может, оттого, что каждому это место видится по-своему. Так вот, вычитала я в легендах, что раньше, в дремучую старину, здесь заключались священные браки. Светлые силы использовали ночь летнего перелома, тёмные, как можно догадаться – зимнего. Прибывали к этому времени желающие получить вторую половинку и силу. Юноши и девушки, даже не всегда знакомые между собой, заходили в Священный Лес, где и должны были встретить свою судьбу. И, собственно, под присмотром божества – не Алаи и Алая – другого, более древнего, заключали союз и там же консумировали брак. Но есть одна тонкость: божество само определяет пару, – Дениз на время смолкла, поднялась, налила воды из стоящего на столике графина и выпила большими глотками. – Уф, даже в горле пересохло, пока рассказывала.

– И что? Неужели Бартон Пинешту настолько уверен в своей неотразимости, что зайдёт в Священный Лес с кучей другого народа? Да ни одно божество в здравом уме не приведёт меня к нему! Да я лучше спрячусь в первом попавшемся дупле!

– Санни, может, иер Бартон и не первый красавец, но и не последний глупец. Он уверен, что в Священном Лесу в ту ночь будете только вы двое. И выбора никакого не будет. А мы его игру слегка поправим. Твой милый Рич тоже войдёт в этот лес! Но тут уж, как понимаешь, в буквальном смысле: на всё воля божества. Если оно сочтёт, что эд'Рочестер тебя более достоин, то повстречается в том лесу тебе именно он. А если Пинешту… ну что ж, значит, он и есть твоя судьба, – Дениз, предугадав действия подруги, вновь ловко уклонилась от пухового снаряда. – Да предупреждён твой Рич, предупреждён! Если действительно желает быть вместе с тобой, то найдёт возможность оказаться в нужное время в нужном месте. И тогда всё будет зависеть от высших сил.

– И такой брак нерасторжим? – Санайя восторженно обняла подушку, которой несколькими мгновениями ранее собиралась избить вредную магичку.

– Думаю, после этого ты станешь неинтересна иеру Пинешту. Только, Санни, не может такого оказаться, что эд'Рочестеру нужно то же самое? Я имею в виду, твои способности?

– Да ты что! Это же Рич!

– А. Ну да, ну да, как я сама не подумала, – Дениз широко зевнула и, поправив подушки, улеглась. – Давай спать, я устала.

Спать, значит, спать. Кто бы возражал. Всё же, день был не из самых лёгких.

Глава 3

Самый длинный летний день начался с рассветом. Если предыдущую неделю Санайе не доставалось ни кусочка мясного, то на сегодня её завтрак вообще, ограничился только яблоком и водой.

– Ешь, девонька, – соизволила заговорить принёсшая скудный завтрак пожилая гоблинша, и без рассказанных Дениз страшилок весьма напоминавшая ведьму из самых жутких сказок. – До завтрашнего утра больше не получишь ни кусочка.

Это что же, они и на пиру не планировали её кормить? Нужно будет попросить верную подругу позаботиться о столь низменных вещах, как материальная пища, и как-нибудь изловчиться и передать еды. А то мало ли когда удастся в следующий раз поесть. Вряд ли им с Ричендом обрадуются в замке, когда они вдвоём выйдут из Священного Леса. Придётся сразу же уезжать, а до ближайшего города ох как не близко.

К удивлению и бессильному возмущению Санайи, к ней не допустили не только Дениз, но даже Эмильену. Мало того, роскошное платье, на которое было потрачено немало папиных денег и их с мачехой нервов, осталось висеть в гардеробной. Вместо сонма щебечущих подружек, горничных и куафёров, к обряду бракосочетания невесту готовила всё та же гоблинша, даже не назвавшая своего имени, отчего мысленно получила прозвище «Ведьма». Хотя, вполне возможно, что и не зря.

Ведьма-гоблинша бесцеремонно раздела свою жертву догола, загнала её в горячую-прегорячую ванну, благоухающую, как луг к вечеру погожего сенокосного дня, продержала её там Тогритт* знает сколько времени, периодически окуная с головой и нараспев приговаривая какие-то заговоры. Потом натёрла едкой вонючей грязью и заставила так стоять, пока грязь не высохнет.

– Послушайте, милейшая, – робко попыталась сопротивляться Санайя, пока её обмазывали, – боюсь, унюхав такое, от меня разбегутся не только жених и приглашённые гости, но и всё окрестное зверьё.

Даже не соизволила ответить. Вот же ведьма! Скорее бы закончился день.

К счастью, вонь утихла вместе с высыханием грязи. В очередную ванну бедняжка забралась с нескрываемым удовольствием. Через небольшой промежуток времени, равный молитве или заговору, что там бормотала ведьма, Санайя чуть ли не силой была вытащена из воды и тщательно осмотрена, даже на голове, меж мокрых волос. Как ни странно, почти вся ссохшаяся грязь успела отмокнуть, оставив лишь небольшое пятнышко под ухом, которое Ведьма тщательно исследовала и чуть ли не на язык попробовала.

– Что замыслила, негодница?! – прикрикнула она.

Ну ничего себе, горничные в замке её жениха. Если бы Санни осталась здесь хозяйкой, сразу же выгнала бы наглючку, будь та хоть трижды ведьма. Но и сейчас нельзя спускать подобное, иначе так и до обряда не дожить. Скорее бы закончился день.

– Убить вас хочу! – буркнула невеста.

– А, ну хоти, хоти, – странно, кажется, эти слова успокоили Ведьму, и она принялась за дальнейшую экзекуцию.

Санайю поставили в опустевшую ванну и стали поливать с головы до ног поочерёдно из стоящих здесь же кувшинов. Постепенно телом овладевали лень и нега. Глаза закрылись сами собой. А что оставалось делать? Жидкость из некоторых кувшинов была очень даже едкой. Сопротивляться? А зачем. Всё идёт, как должно. Этой ночью свершится самое важное. Внизу живота появилась приятная истома. Скорее бы закончился день.

Плохо запомнилось, как её наконец-то, вывели из ванны, как жёсткие заскорузлые руки растирали тело, а мягкая щётка до тех пор бегала по волосам, пока они не выпрямились и каждая волосинка не засияла. Совсем не вызвало отторжения и то, что вместо свадебного платья на неё надели длинное, до пят простое льняное одеяние, вышитое по подолу, рукавам и горловине нитками, по цвету почти совпадающими с самим платьем. И отсутствие белья совсем не смутило, оно бы только раздражало ставшую до невозможности чувствительной кожу, как грубый лён раздражает напряжённые соски. Скорее бы закончился день.

Интересно, что же из неё сотворила эта ведьма? Санайя оглянулась. Странно, она не узнала комнату, в которую вышла из её уже почти собственной ванной. И ни одного зеркала вокруг. И за окном не ясный солнечный день, а приглушённые деревьями вечерние сумерки. Деревья? Напротив её окон, находящихся на третьем этаже замка, не должно быть деревьев. А так ли это важно? Оказывается, нисколько. Кажется, день и вправду заканчивается. Скоро, совсем скоро сбудется то, что должно. Что? Скоро узнается.

Как же легко стало телу. Если бы рукава были немного шире, можно было бы взмахнуть руками и взлететь. Взлететь, чтобы поспешить навстречу судьбе. И есть совсем не хочется. Если только водички.

– Мне бы попить, – несмело попросила Санайя у своей… У кого? Мучительницы? Наставницы?

– Пей!

Ей протянули самый обычный глиняный кувшин. Не вода. А что? Неважно. Очень уж хочется пить. В меру кисленькое, в меру сладкое, в меру игристое. Сидр? Неважно. Главное, хорошо утоляет жажду.

– Хватит тебе! – окликнула Ведьма. – А то совсем заездишь жениха. Ну да всё в руках матери нашей Веды, – последние слова были произнесены совсем тихо. Наверное, показались или были додуманы.

Жених. Санайя с сожалением рассталась с кувшином, на дне которого плескались остатки волшебного напитка, и плотоядно улыбнулась. У неё будет самый лучший жених. Пора поспешить к нему. Здесь делать больше нечего.

– Я пойду. Не скучайте без меня, – чисто из вредности добавила она и толкнула грубую дверь из толстых дубовых досок.

Что ответила Ведьма, она уже не услышала.

***

Лес, простирающийся прямо от крыльца домика, из которого вышла Санайя, нисколько не удивил. Всё идёт, как и должно. И то, что трава вокруг дома совсем не притоптана, тоже не вызвало удивления. Нет тропинок? Они сегодня не нужны.

Как приятно ласкает босые ступни нежная зелень, такая растёт только на тщательно ухоженных газонах. Что-то не верится, чтобы и здесь за ними кто-то столь же ревностно следил. Но разве это важно сейчас? Нисколько. И всё же, как нежна трава. Если снять грубую рубаху, можно поваляться на ней, впитывая всей кожей первую вечернюю росу. Санайя уже потянулась к одеянию, чтобы сбросить его, но затем замерла. Нет, не сейчас, она здесь не для того, чтобы валяться на волшебной траве. Она должна кого-то найти. Кого? Рич. Конечно же, Рич. Как можно про него забыть. Он где-то здесь.

Странно, Лес совсем не казался благообразно-показательным парком, но ни одного сучка не попалось на пути, ни одна кочка или колючая ежевичная плеть не помешала. Под могучими деревьями, которых в городе не встретишь, росла всё та же ласковая, сейчас слегка влажная трава. Где-то далеко, на самом краю сознания, отметилось, что в таком дремучем лесу должны водиться дикие звери, а может, и не только звери, но страха совсем не было. В душе крепла уверенность, что никто её сегодня не тронет. Кроме того, кому сама позволит. Санайя почувствовала, как щёки опалил горячий румянец. Его щемящее тепло разбежалось по телу и уютным комом поселилось внизу живота. Даже дыхание на миг перехватило.

Уже сегодня. Скорее бы найти того, кто ей предназначен самой судьбой, иначе этот странный жар не унять. Ещё и в кустах, что темнели справа, завела песнь какая-то ночная птичка. Жаворонок? Кажется, Санайя читала, что жаворонок – птица утренней зари. Значит, это соловей, не иначе, пусть и соловьёв она раньше тоже никогда не слышала.

– Нарекаешься соловьём! – сообщила она птичке и, засмеявшись и широко раскинув руки, закружилась.

Если бы свадьба велась по общепринятым правилам, кружила бы Санайя сейчас в танце с женихом. Но сегодня эти правила неуместны, можно танцевать самой с собой. Полянка как раз для этого подходящая.

Как помутилось в голове. Кажется, перестаралась. Так можно и упасть. А почему бы и не упасть? Ведь сама хотела поваляться на этой нежной зелени.

Трава и правда, оказалась волшебной. Жаль, намокшая и ставшая ещё более грубой рубаха мешала остроте ощущений. Значит, рубашку можно снять и отбросить. Тем более, никто не видит, да и темнота вокруг кромешная, даже робкий нарождающийся полумесяц и любопытные звёзды предупредительно скрылись за облаками-ширмами.

Санайя бездумно перекатывалась по траве, впитывая телом её благотворные соки и духмяный запах. Хочется смеяться? Можно смеяться. Смех совсем не похож на деликатный смех воспитанной девицы? А кому здесь слушать? Ни смотреть, ни слушать некому. Гортанные, почти утробные звуки огласили окрестность.

***

То, что она уже здесь не одна, Санайя скорее, почувствовала, чем увидела.

Пришёл. Её судьба. Её любовь.

– Иди сюда, что же ты стоишь?

Приблизился. Встал рядом. Во тьме не рассмотреть, кто же он? А нужно ли рассматривать? Санайя точно знала – этот мужчина её и только её. Как и она – только его.

– Ты когда-нибудь валялся на траве? Здесь замечательная трава. Не бойся! – рука коснулась босой ступни и брюк над ней. – Зачем тебе брюки? Они не нужны. И рубаха, если она на тебе есть, тоже не нужна.

Какой послушный. Звякнула пряжка ремня, и лишняя одежда глухо опустилась в стороне.

– Ложись, – Санайя похлопала ладонью рядом с собой. – Поваляйся, тебе понравится.

– О да, думаю, мне понравится! – прохрипели в ответ.

Только вместо того, чтобы поваляться по траве, мужчина прижался к ней. Какой он горячий. Горячая мужская кожа и прохладная трава. Что из этого приятнее? Пожалуй, рука, которая смело легла на её грудь, вызвав короткий вздох не то удивления, не то восхищения. Да, нет ничего лучше уверенной руки на груди, до этого никогда не испытывавшей ничего подобного. Что? Губы, коснувшиеся напряжённой вершинки, могут вообще отключить разум? Пожалуй, здесь и сейчас разум совсем не нужен, и Санайе ещё не раз за эту короткую ночь приходилось удивляться, сколь же волшебным и ярким может быть наслаждение.

Зябкий туман, предвестник близкого рассвета, охладил разгорячённые тела. В его неверном мареве уже можно было рассмотреть того, с кем связала эта ночь, полная волшебства. Не Пинешту, это Санайя поняла ещё при встрече. Но и не

Рич. Она провела ночь с совершенно незнакомым мужчиной? Как такое могло случиться?

– Вы кто?! – горло сдавил удушающий спазм.

– Считаете, пришла пора познакомиться? – последовал глумливый ответ.

Познакомиться? Да он… да она…

– Как вы могли? – жалкие остатки гордости едва удерживали готовые пролиться слёзы.

– Не отказать вам в вашей настойчивой просьбе? Никак не мог.

Он ещё и издевается! Разрушил всю её жизнь и так спокоен. Поднялся. Отыскал брюки и рубаху. Оделся.

– Вас проводить, дорогуша?

Дорогуша? Да за кого он её принимает? За кого, за кого. За ту, что первая позвала и смело ответила на ласки. За обычную доступную девку.

– Пошёл вон! – взвизгнула Санайя.

– Как будет угодно даме. Было приятно провести с вами время, – незнакомец куртуазно поклонился и скрылся за деревьями.

Можно зареветь в голос. Можно побить головой и кулаками о землю. Можно остаться на месте и подождать, пока её найдёт дикое зверьё. Не может такого быть, чтобы в столь дремучем лесу не было крупных зверей, а не только мелких ежей и белок, одна из которых смело приблизилась к Санайе, держа в зубах орешек. И где только раздобыла его в начале лета. Перехватила орешек лапками и протянула гостье. Надо же, мир, хоть и разбился вдребезги, но оказался не без добрых существ.

– Ты меня угощаешь? Спасибо.

Орешек был освобождён от скорлупы и честно поделен пополам. Только сейчас Санайя поняла, как же она голодна. А ещё замёрзла. Откинутая с вечера рубаха вся промокла от росы и нисколько не согрела. Ну и ладно, хотя бы прикрыла наготу и следы грехопадения на внутренней стороне бёдер, лучше всяких слов доказывающие, что она стала другой.

Странно, неужели, в этот Лес уже пришла осень? С могучих деревьев, ещё вчера покрытых яркой зеленью, медленно опадала жёлтая листва. Как созвучно настроение Леса с тем, что сейчас творилось в душе.

***

Пока Санайя шла по Лесу, она отчётливо представляла стоящих на ступенях отца и Оргара Пинешту. Оба хмурые, а хозяин замка ещё и злой. И что им сказать? Сожалею, что не встретились в Лесу? Так это будет неправдой, она нисколько не жалела, что провела эту ночь не с навязанным женихом.

Ноги сами, без всякой тропинки привели к высокой замковой стене. Как же не хочется идти под перекрёстными взглядами слуг и домочадцев. К счастью, задолго до главных ворот в стене нашлась небольшая калитка. Не заперто? Странно, но очень кстати. Может, удастся пробраться незамеченной, найти Дениз, и тогда всё сразу решится. Всё встанет на свои места. Подруга посмеётся в своей грубоватой манере и скажет, что это был всего лишь сон: и сама волшебная ночь, и циничные слова незнакомца.

Волшебная ночь? С чего Санни решила, что эта ночь была волшебной? Это была самая ужасная ночь в её жизни.

Пробраться незамеченной не удалось. Случилось всё так, как и представлялось незадолго до этого. Высокое каменное крыльцо, а на нём двое мужчин. Злой Оргар дин Пинешту и папа. Почему папа прячет глаза, как будто ему стыдно, и он в чём-то виноват?

– Где ты была, дочь?

– В Лесу.

Это ведь правда, она была в Лесу, и мужчины это прекрасно знают. К сожалению, последующий вопрос был сколь закономерен, столь же и неприятен:

– С кем?! – раньше папа никогда на неё не кричал. Что с ним случилось?

Солгать? Сколько можно быть безвольной. В конце концов, Санайя уже совершеннолетняя, папа не имеет права распоряжаться её судьбой и, тем более, телом.

– Это неважно, – она смело подняла взгляд. – Позвольте мне пройти. Я устала.

Лицо хозяина замка побагровело. Да, он не вызывал в Санайе излишних симпатий, но и смерти от апоплексического удара она ему тоже не желала. Пожалуй, будет правильным как можно скорее скрыться с их глаз, чтобы не раздражать.

Попытка обойти суровых встречающих стороной не увенчалась успехом. Иер дин Пинешту на удивление ловко для своей комплекции подскочил к девушке и ухватил её за правую руку и резко задрал рукав. Все трое удивлённо воззрились на запястье, где нагло расположился свеженький узор в виде браслета из веточек.

– Кто он?!

Наверное, парализованные этим взглядом и голосом клерки, работающие в банке у иера дин Пинешту, тут же выдавали все свои совершённые и только планируемые прегрешения. Но Санайе-то он не начальник и даже не муж. Мало того, похоже, уже им и не станет. А потому можно представить, что это совсем не она, а всегда уверенная в себе Дениз, и спокойно ответить:

– Это неважно. Позвольте пройти?

– Чтобы ноги этой девицы в моём доме не было! – это гостеприимный хозяин сказал уже Леандру дин Тиаграсса.

Да не очень-то и нужно, пусть только позволят переодеться, Санайя даже есть здесь не будет. Ничего, говорят, человек без пищи может продержаться больше

месяца. Заодно и похудеет. Сколько всего хорошего можно найти в случившемся. От неприятного жениха отделалась, лишний вес скинет.

– Папа, мы уезжаем? – счастливую улыбку даже не пришлось изображать, она сама растянула губы.

Отец переводил затравленный взгляд с дочери на своего могущественного компаньона. Потерзавшись так пару минут, иер Тиаграсса решил ответить:

– Я велю водителю увезти вас с подругой, а сам останусь.

Если бы не его жалкая просительная улыбка, Санайя ещё бы могла надеяться, что для неё всё может остаться по-прежнему: любящий отец, неплохая мачеха, их дом в Сторхеде и та же размеренная и такая удобная жизнь. Но папа выбрал своего делового партнёра и их общие дела. Дочери в его жизни больше не было. Или ей показалось? Верно лишь одно: не стоит выяснять отношения при посторонних, а иер дин Пинешту навсегда остался посторонним, по крайней мере, для неё уж точно.

Папа и хозяин замка исчезли за массивными дверьми. Санайя осталась одна. Может быть, кто-нибудь и наблюдал за ней из многочисленных окон, наверняка наблюдал, но что ей те люди. Хотелось бы поговорить с той женщиной, что собирала вчера к брачной ночи, как пафосно звучит: брачная ночь, уж та точно знала больше, но где же её сейчас искать.

Четверть часа не самого уютного ожидания растянулись в вечность. Всё сильнее жгли спину чужие взгляды, всё больше зябли босые ноги на каменных плитах негостеприимного двора. Но всё когда-нибудь заканчивается, наконец-то появилась на удивление молчаливая и серьёзная Дениз с перекинутым через плечо рюкзачком с вещами, и подруги направились к магомобилю, тихо урчавшему в стороне.

Спина прямая, подбородок высоко поднят. Главное, не бежать, даже учитывая, как замёрзли ступни.

Оглушительно хлопнула дверца машины, отсекая замок с его неприятным хозяином и прежнюю жизнь. Можно поджать под себя окоченевшие ноги, обхватить тело руками и, сжавшись в комочек, прильнуть к тёплому плечу. Как

же хорошо, что у неё есть Дениз. Магичка молча порылась в своём рюкзаке, достала оттуда вязаную кофту и толстые шерстяные носки. Сама всё это надела на Санайю и, по-прежнему не говоря ни слова, притянула её голову к своей груди. Ну как тут не расплакаться? Тем более, сил сдерживать слёзы совсем не осталось.

– Я ни за что к ним не вернусь, Денни!

Магомобиль быстро катил по пустынной дороге.

***

Сколько проплакала на плече подруги Санайя, неизвестно. Тёплое нутро магомобиля, ранний вчерашний подъём, бессонная ночь и последующие переживания сделали своё дело: она заснула.

Разбудил её излишне оптимистичный голос:

– Есть будешь, соня?

– А? Что? – с трудом открыв опухшие от сна и слёз глаза, Санайя закрутила головой.

– Я проголодалась и готова целиком съесть вон то чудище, – Дениз указала на вывеску, на которой нечто аляповатое пыжилось изображать кабанчика, ибо надпись под этой картиной сообщала, что заведение, около которого сейчас остановился их магомобиль, бесхитростно называлось «Свирепый вепрь».

Желудок ворчливо напомнил, что возможно, человек и может месяц прожить без пищи, но он сам с таким заявлением категорически не согласен, и столько не продержится.

– Я тебе помогу с ним покончить! – хрипло отозвалась Санайя и уже было собралась выбраться из салона.

– Кхм, кхм, – предупредительный кашель и оценивающий взгляд на её одеяние охладили первый порыв.

– Моё платье, – мятая, со следами зелени сорочка была критически осмотрена и признана неподходящей даже для такого непритязательного заведения, каковым являлась таверна «Свирепый вепрь», даже в комплекте с носками и кофтой Дениз.

– Подожди меня, я быстро сбегаю и возьму что-нибудь, чтобы мы могли перекусить прямо здесь! – Дениз, успокаивающе пожав подруге руку, выскользнула из машины и скрылась за скрипучими массивными дверьми.

Пробыла в таверне она совсем недолго. Санайя даже не успела окунуться в пучину мрачных мыслей, как подруга уже вернулась с огромным пакетом, распространяющим одуряющие запахи. Жареная курочка. Только бы не съесть её вместе с костями. Хорошо, что совсем рядом крутилась пегая лохматая собака с висящими почти до земли сосцами. Совесть не позволит оставить кормящую мать без её доли. Так и быть, собачка, все косточки будут твои.

Некоторое время тишина в салоне перемежалась только хрустом свежих овощей, звуками жевания и тихими возгласами удовольствия. Лишь после того, как с половиною содержимого пакета было покончено, подруги переглянулись и, честно отдав косточки терпеливо поджидавшей собачке, откинулись на спинку диванчика.

– Уф, много ли нужно человеку для счастья! – Санайя и не поняла, что это сказала она сама.

– А я что говорю! Пока человек жив, всё поправимо, и очень многое – в лучшую сторону, – в голосе Дениз не было обычного для неё сарказма.

Магичка порылась в своём рюкзачке и вытащила из него пухлый недвусмысленно звякнувший кошель.

– Сейчас найдём какую-нибудь лавочку, купим тебе одежду, и жизнь наполовину наладится!

Наполовину. Санайя горько улыбнулась. Подруге ещё только предстояло узнать, насколько вся её жизнь разрушена. Просто вдребезги. Начать сразу жаловаться? Это подождёт. Пока же есть более насущный вопрос.

– Откуда у тебя эти деньги?

– Иера Эмильена дала, – Дениз невозмутимо пожала плечами и, словно предугадав последующие возражения, упёрла в её грудь указательный палец и решительно заявила: – И не вздумай отказываться! Даже поступив с тобою так… нехорошо, – весьма корректное слово для всегда резкой подруги, – они остаются твоими родителями и обязаны, по мере возможности конечно, тебя обеспечивать.

Санайя глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Она никогда не одерживала верх в подобных спорах. Вряд ли это получится теперь. Да и есть в словах Дениз немалая доля разумного, а потому пришлось покорно согласиться.

После того, как насытившийся в той же таверне водитель занял своё место, ему было велено медленно ехать по улочкам городка и остановиться у первой же более или менее приличной на вид лавки женского одежды.

Договорились, что за одеждой пойдёт одна Дениз. Нечего нервировать добропорядочных жителей мелкого городка неподобающим видом, давая им пищу для пересудов не меньше, чем на месяц.

Магичка критически осмотрела подругу, желая поточнее запомнить её размер, и вдруг замерла.

– Санька, – так Санайю она называла только в крайних случаях, – твои глаза…

– Что не так с моими глазами? Красные и опухли? Ничего удивительного, столько прорыдать на твоём плече.

– Думаешь, от слёз? Хотелось бы верить, – а ведь Дениз и правда показалась озадаченной. – Ну, я пойду? – для чего-то спросила разрешения она, прежде чем выйти из магомобиля, остановившегося на площадке перед небольшой лавкой женской одежды.

– Иди. И зеркало купи! – Санайе и самой захотелось посмотреть, что же такого необычного нашла в её глазах подруга.

В лавке Дениз пробыла совсем недолго. Магичка не любила хождения по магазинам. Она бросила на сиденье несколько свёртков и гордо сообщила:

– Вот! Думаю, должно подойти. Туфли меряла по себе, знаю, что твоя нога чуть больше. Остальное – на глаз.

Чтобы хоть чем-то занять себя, Санайя принялась рассматривать покупки. Комплект белья, тонкие лосины и гольфы вместо чулок, удобная юбка в синюю и зелёную клетку и простая, без изысков, блузка приятного салатового цвета. Шерстяной синий жакет в тон юбке. Туфли мягкой кожи на низком каблучке, пожалуй, были самой дорогой частью принесённого гардероба. Небольшое зеркальце. Ничего лишнего и вычурного. Теперь нужно бы переодеться. Но не при водителе же.

Кривые улочки оставшегося неизвестным городка быстро закончились. Магомобиль вырвался на простор загородной трассы. Мелкие деревушки с зеленеющими подле них полями монотонно чередовались с лугами и перелесками. Как должно быть, размерена жизнь в этих краях.

– Не могу больше сидеть в машине! Давай пройдёмся, заодно и переоденусь в том лесочке, – Санайя затолкала в пакет судорожно сжимаемый до этого жакет и велела водителю остановиться.

Магомобиль замедлился и замер на обочине. Девушки велели водителю отдохнуть, предупредили, что уйдут на полчаса-час в ближайший лесок, и выбрались из машины.

– Ты хотя бы туфли надела, – укорила Дениз подругу, ступившую в придорожную траву босыми ногами.

– Туфли? Да-да, конечно. Только я пройду немного так, хорошо?

– Хорошо, – магичка пожала плечами. Мало ли какие странности могут проявиться у человека, испытавшего тяжёлое потрясение. Тем более, если вся его жизнь до этого была тиха и размеренна.

Так они и шли: впереди Санайя, она изредка наклонялась и проводила ладонью по верхушкам зелёной травы и ласковым головкам и бутонам цветов, и, в нескольких шагах позади, всё более хмурящаяся Дениз.

– Как же здесь хорошо, Денни. Почему нам удаётся так редко вырваться на природу? Здесь даже пчёлы совсем другие, чем в городе! – Санни развернула вверх пропахшую травой и пыльцой ладонь, на которую тут же уселся толстобрюхий шмель. – А запах? – она глубоко вдохнула. – Знаешь, от него же и грудь может разорваться! Денни, скажи, ты тоже это всё чувствуешь, да? Ну что ты так насторожилась? Считаешь, что со мной не всё нормально? Что может быть странного в моём желании прикоснуться к цветку? Не к мёртвому, который был выращен и срезан в оранжерее под присмотром магов специально для дорогого и бездушного букета, а к вот этому, голубому? Или к этому белому с жёлтым. Знаешь, я даже названий многих из них не знаю. И название этого дерева не знаю, но всё равно прижмусь к нему и постою так немного.

Дениз настороженно наблюдала за не совсем обычным поведением подруги. Как та, отбросив в сторону пакет с вещами, уже обеими ладонями провела по траве, а потом, обхватила руками дерево и, прикрыв глаза, прижалась к нему всем телом и щекой.

Так они постояли какое-то время. Магичка прекрасно знала, когда стоит помолчать. Здесь и дара никакого было не нужно, чтобы понять: в эти минуты на подругу сходит особенная благодать. Хорошо это или плохо? Это есть, и с этим придётся мириться.

– Уф, – первая опять заговорила Санайя, – кажется, отлегло. Думала, задохнусь в машине. Так там стало неуютно. А теперь можно и привести себя в приличный вид. У тебя расчёска есть?

– Осталась в рюкзачке.

– Денни, да что с тобой? Боишься за мой разум? Не бойся. Всё нормально, правда. Я больше не буду плакать. И всё-всё тебе расскажу. Если ты хочешь, конечно!

– Только попробуй не рассказать! Р-ррр! А сейчас быстро переодевайся!

– Теперь узнаю подруженьку! – Санайя рассмеялась и, вытащив из пакета купленные вещи, стала переодеваться. – Носки и туфли потом надену, ладно? – почему-то виновато сообщила она. – Да ты сама разуйся, проверь, как это здорово!

– И то правда, что я теряю, – ещё одна пара туфель и носков оказалась в пакете. Сама Дениз уселась рядом с подругой, опирающейся спиной о ствол дерева и строго распорядилась: – А теперь рассказывай!

– Что, прямо сейчас?

– А когда ещё? Или твои слова про то, что ты не вернёшься к родителям, были сказаны сгоряча?

– Денни, ты бы вернулась к человеку, который между деньгами и дочерью выбрал деньги?

Магичка лишь презрительно фыркнула, уж кому-кому, а ей такой вопрос задавать даже и не стоило.

– Эх, Санька, опять зловредная невоспитанная Дениз втягивает тебя в очередную авантюру. Ну да мне не привыкать к упрёкам твоих родных. Давай, рассказывай, что же с тобой случилось, а потом уже, исходя из фактов, мы составим план. То, что Пинешту тебе ночью не встретился, это я поняла. Что, собственно, и планировалось. Но что же там произошло? Как я поняла, вы и с милым Ричем разминулись? А я ведь сама проследила, чтобы он вошёл в Лес. Не мог же он уже после сбежать.

– Я его там не встретила, Денни.

– И что? Что ты так загадочно молчишь? Каждое слово из тебя клещами нужно тянуть! Не принуждай меня применять к лучшей подруге запрещённые в мирной жизни методы допроса.

– А что, есть и такие? – Санайя с интересом глянула на собеседницу.

– Не скажу! Но, если понадобится, применю их на тебе!

– Денни, понимаешь. Я… я там встретила другого! Совсем другого, вовсе незнакомого! Ведьма – точно говорю тебе, она была ведьмой! – так вот, та самая ведьма, которая меня собирала, напоила меня чем-то, натёрла и ещё полила сверху для верности. В общем, много чего она со мной делала. И я как не в себе была, когда ушла в Лес. Он меня нашёл и… и всё случилось, вот! – Санайя оттянула рукав блузки и показала проявившийся на запястье рисунок.

– Ведьма, говоришь? И этот Лес – священное место ведуний. И рисунок, похоже, их, ведовской, – Дениз задумчиво почесала кончик носа. – И где же он?

– Денни, – Санайя подняла испуганные глаза и, почему-то шёпотом, спросила: – Ты что, не видишь рисунок?!

– Рисунок я вижу, я спрашиваю, где твой муж?

– Постой, постой, какой муж? Ты же знаешь, свадьбы не было. Не пугай меня так!

– Милая подруженька, – осторожно начала магичка, – я, конечно, плохо разбираюсь в ведовских ритуалах и символах, но их брачные браслеты видела, и не раз. Всё же, в нашем училище есть и ведовской факультет. Так вот, то, что у тебя на руке, очень похоже на ведовской брачный браслет. Немного странный, конечно, но, я же говорю, не разбираюсь в них.

– Н-нет, этого не может быть. И потом, знаешь, что он сказал на прощание? Он сказал: «Было приятно провести с вами время»! И ушёл. Он принял меня за продажную женщину, Денни! – едкие слёзы обиды и горечи вновь собрались в уголках глаз.

– М-даа, – Дениз смахнула с коленки упавший жёлтый листок и прижала подругу к себе.

Та пару раз шмыгнула предательски защипавшим носом, тряхнула головой и, выпрямив спину, сообщила:

– Я больше не буду плакать!

– Это правильно, слёзы в наших планах не помощники. Но знаешь, подруга, без помощников нам не обойтись, – задумчиво закончила магичка, подняв глаза вверх и проводив взглядом ещё один планирующий жёлтый листок. – Оч-чень много в нашем деле набирается странностей. Ты только не пугайся раньше времени, ладно? Я лишь обращаю внимание на очевидное. Видишь, листва этого дерева пожелтела? – она провела рукой, указывая на резко изменившую свой цвет крону. – И трава, которой ты касалась, тоже. А ещё, ещё твои глаза. Теперь уже не удастся объяснить их цвет слезами.

– Денни, ты хочешь сказать, что всё, к чему я прикоснусь, умирает? – Санайя тут же отодвинулась от подруги.

– Тьфу на тебя, глупую! Я говорю, что нам срочно нужна консультация. Ты точно решила не возвращаться к родителям? – не дождавшись ответа, Дениз продолжила: – Тогда, если в Сторхеде тебя больше ничего не держит, предлагаю ехать сразу в столицу, а там прямым ходом – в моё училище. Думаю, там тебе помогут и разъяснят, что же с тобой произошло и продолжает происходить. Или всё же – в Сторхед, к родителям? Я знаю, иер Тиаграсса тебя не бросит. Пусть я и взбалмошная ветреная магичка, но хотя бы предложить тебе самый разумный выход обязана.

– Знаешь, Денни, как бы там ни было, но я счастлива, что у меня была эта ночь. И… и я не хочу возвращаться к прежней жизни.

– Ты изменилась, – задумчиво проговорила Дениз скорее для себя, чем для своей подруги – совсем ещё недавно послушной дочери и не склонной к авантюрам приличной иерины из приличной купеческой семьи. – Если так, едем в Большой Иуренг и пытаемся разобраться со всем произошедшим, а заодно начать новую жизнь. Как тебе план?

– У меня и такого нет. А потому, вперёд! – Санайя поднялась и осторожно провела пальцами по стволу пострадавшего дерева. – Прости, я не хотела, – шепнула она, словно дерево могло её услышать.

Подруги вернулись к поджидавшему их магомобилю с задремавшим за рулём водителем и велели ему направляться в столицу. Случайно или же специально, но Дениз не озвучила своего наблюдения, что имя Риченда эд'Рочестера было упомянуто лишь единожды, и то, вскользь. Любовь закончилась? Может, оно и к

лучшему.

Глава 4

В Большой Иуренг магомобиль с подругами въехал поздно вечером следующего дня. Ни на миг не засыпающая столица встретила их шумом и суетой. Алчно прятали клиентов в своих ненасытных нутро таксомобили и везли по названным адресам, развесёлая музыка таверны, в которой что-то отмечала компания хорошо разогретых гномов, беззастенчиво врывалась в заунывные звуки небольшого уличного оркестра, исполнявшего для всех желающих печальную балладу о любви орка и эльфийки. По тротуарам спешили по своим делам припозднившиеся пешеходы. По дорожкам городского парка меж чахлых деревьев и тщательно подрезанных кустов прогуливались влюблённые парочки. Город жил своей жизнью. У каждого его жителя были свои дела и заботы, свои беды и радости. Мегаполису не было никакого дела, что приехала ещё одна человекоединица. Сколько их приезжало для его покорения, сколько уехало ни с чем, а сколько мирно или же не очень, заканчивало свою жизнь, так и не доказав ни себе, ни городу, что способен и может. Город видел в своей жизни всё.

Переночевать девушки решили в одной из множества безликих гостиниц, а уже наутро отправиться в училище. Можно было бы отправиться сразу в общежитие и остановиться там, в комнате Дениз, но водитель обязательно расскажет иеру дин Тиаграсса, куда доставил его дочь. Нет, папа, конечно, найдёт без особого труда даже в столице, но пусть у неё будет хотя бы немного времени в запасе.

Наутро, распрощавшись с водителем и заверив, что его помощь больше не нужна, подруги отправились к месту учёбы Дениз.

Училище боевой и прикладной магии встретило их величавыми массивами каменных корпусов, звонкой брусчаткой дорожек меж ними и молчаливым спокойствием огромного парка. Странно было найти подобный островок спокойствия в огромном всегда шумном городе. Впрочем, чего ещё ожидать посреди лета, все ученики или на каникулах, или на практике.

– Эд'Григ? – неприветливо встретил адептку старый сморщенный гоблин, выглянувший из прозрачной караулки, находящейся внутри одного из зданий. –

И зачем это тебя принесло посреди лета? У всех нормальных адептов каникулы. И у тебя каникулы. Понимаешь, ка-ни-ку-лы! Ты должна отдыхать. И училище имеет право отдохнуть от тебя!

– Иер Инчик. Я по делу. По очень важному делу, – в голосе подруги послышались непривычные жалобные нотки.

– Какие могут быть дела у адептов посреди лета, – проворчал вахтёр. – Иди, иди отседова, а дела и до осени подождут. Сейчас и нет никого в училище. И вообще, что тебе понадобилось на ведовском факультете? Иди, коли уж не терпится, к своим боевикам, их доставай!

– Мне нужно здесь и сейчас! – Дениз притопнула ногой. – Иначе я начну пакостить, иер Инчик, вы меня знаете, – в её руке появился небольшой оранжевый шарик.

– И в каникулы от них покоя нету никакого!

Пустынный холл огласился противным воющим звуком. Вахтёр решил, что она тут всё подпалит и включил пожарную сирену? Санайя поочерёдно оглядела довольные лица магички и гоблина. Удовлетворение последнего понятно: предотвратил безобразие. Но чему радуется Дениз? Скоро и её поведение получило объяснение. Где-то в недрах второго этажа послышался уверенный цокот женских каблучков. Их обладательница – статная уверенная в себе женщина с зелёными глазами и роскошными каштановыми волосами, в свете падающих из огромных окон лучей отдававшими рыжиной – начала разговор задолго до того, как подошла к нашей компании.

– Иер Инчик, – болезненно поморщилась она, – да отключите уже этот ужас! Что случилось?

– Хулюганют, метресса Ликинна, – обиженно сообщил гоблин, отключая сирену.

– Кто? – ведунья, а пришедшая, несомненно, была ведуньей, строго посмотрела на девушек. Мельком на Дениз, невинно скрестившей ручки за спиной и опустившей глазки долу, и – уже гораздо внимательнее – на её подругу, широко раскрытыми глазами наблюдающую весь этот спектакль. – Ну-ка, ну-ка, ну-ка! – она подошла к Санайе, тонкими, на удивление крепкими пальцами, вцепилась в

подбородок и принялась разглядывать её лицо. Поджала губы, покачала головой и, не озвучив выводов, коротко приказала: – За мной! – после чего, не оглядываясь на возмутителей спокойствия, направилась к лестнице, по которой недавно спустилась.

Первая отмерла Дениз. Она подхватила Санайю за руку и, мстительно показав вахтёру язык, поспешила за метрессой.

– Уже и летом проходной двор устроили! Никакого покою от них нет, – полетело им вслед недовольное ворчание.

Очень хотелось расспросить, что всё это значит, но прямая спина метрессы Ликинны совсем не располагала к разговорам. Ведуньи они, конечно, тоже люди, но мало ли что, всё же ведуньи. Про их крутой нрав и непредсказуемость много чего рассказывают. Лучше уж немного подождать. Если позвала за собой, значит, сама и расскажет, зачем.

Комната, куда завела их метресса, была очень уютной и вся утопала в зелени. Санайя непроизвольно сделала глубокий вдох. Только сейчас она поняла, как давили камни большого города. Столица и есть столица. Девушкам было указано на кресла в разных углах кабинета и предложен чай, да не бездушный магазинный набор, а душистый, из, наверняка собственноручно, собранных травок. Давно такого не пила.

– Рассказывайте! – приказала хозяйка кабинета после того, как чашки были отставлены в сторону.

Рассказывать? Вообще-то, это они хотели получить объяснения.

– Моя подруга… – начала магичка.

– Твоя подруга не может говорить? – её невежливо перебили.

– Может, – надо же, Дениз и стушевалась.

– Итак, иерина, – метресса повернулась к Санайе, – я вас слушаю. Рассказывайте о себе всё, что знаете. Желательно с самого рождения!

– Но с самого рождения я не помню, – неуверенно ответила та.

– Значит, со слов тех, кто помнит!

– Метресса Ликинна может тебе помочь, – ответила на неуверенный взгляд Дениз. – Расскажи о себе всё, что помнишь.

И Санайя начала рассказ. О том, что родилась на далёком острове и совсем не помнит свою мать, о том, что отец увёз её оттуда в младенческом возрасте. Зачем-то рассказала о том, что иногда просила людей что-либо не делать, так отец остался жив, не отправившись в последний путь с «Трезубцем Ирдена». И о том, что не сошлась с отцом в выборе жениха. Как они с Дениз собирались провести этого самого жениха, пожелавшего связать себя с будущей женой именно в Священном Лесу. И что из этого вышло, тоже рассказала. И уже под конец, словно неуверенная, стоит ли, рассказала про то, что от её прикосновений желтеет трава и листва на деревьях.

Метресса Ликинна слушала без комментариев, лишь иногда задавая уточняющие вопросы и добавляя в чашку рассказчицы ещё чаю. После того, как Санайя смолкла, ведунья придирчиво рассмотрела рисунок на запястье гостьи, молча кивнула своим мыслям и, внимательно оглядев своё зелёное царство, выбрала одно из растений и в своей отрывистой манере приказала:

– Подойди сюда! Положи руку на крону!

Маленький уютный кустик с пёстрыми листочками было жаль, но ведь и самой интересно. Может, то дерево вовсе не от её прикосновений пожелтело, может, в его корнях завёлся вредитель, или ещё что. Бывает, что деревья гибнут и летом. Санайя осторожно коснулась куста ладонями. Как приятны прикосновения нежных листочков. И почему раньше никогда не замечала?

– Ну хватит, хватит! Выпьешь мне всю иулению, – проворчала ведунья и, отобрав горшок с растением, что-то успокаивающе ему зашептала.

Теперь уже случайным совпадением объяснить не получится. От прикосновений Санайи листочки загадочной иулении понуро повяли. Правда, в отличие от кроны пострадавшего дерева, быстро вернули бодрый вид, откликаясь на ласку хозяйки кабинета. Кажется, метресса Ликинна совсем забыла о своих

посетительницах, она, как над младенцем, ворковала над кустом, который сама же пожертвовала для эксперимента, поливала его, при этом что-то тихо нашёптывая. Они что, в этом училище все такие странные? Да взбалмошная Дениз, по сравнению с некоторыми, верх благоразумия!

Санайя поймала взглядом глаза подруги и молча указала на выход, намекая, что, не сбежать ли им отсюда, пока ещё не поздно? Эта странная ведунья нагоняла непонятную жуть. Ещё проклянёт за то, что загубили её кустик. Дениз отрицательно покачала головой. Сбежать одной? Ну да, а внизу её встретит иер Инчик с сиреной.

Первой молчание прервала метресса Ликинна.

– Мало! Очень мало информации. Но вся она очень интересная. Что вы сами думаете обо всём этом, иерина дин Тиаграсса?

– Мне повстречался какой-то случайный грибник? – Санайя ухватилась за то, что интересовало её больше всего.

Ведунья пренебрежительно фыркнула.

– В Священном Лесу Веды* случайных людей не бывает, – поучительно начала она. – Вернее, они, конечно, могут зайти. Всё же, прошли те времена, когда к божествам и их вотчинам относились с должным почтением. Но, как зайдут, так и выйдут. Тому пример: иер дин Пинешту. Знаю я историю приобретения им замка, за долги у одного старого обнищавшего семейства вытряс. Ну да не принесёт ему счастья это приобретение, это я как ведунья говорю. Собственно, его план уже не сработал. Не получил он в свои загребущие лапки Оракула.

– Кого, простите?

Это что же, Оргар дин Пинешту затеял всё это, чтобы прибрать к рукам какого-то Оракула?

– Оракула, – охотно повторила метресса Ликина. – Раньше так называли Видящих. В вас, дорогая иерина дин Тиаграсса, просыпается дар Видящей. Было бы интересно уточнить, откуда именно привёз вас отец. Есть у меня подозрения.

И, если это так, то дар будет сильным. Очень сильным! Мы берём вас!

Санайя потёрла пальцами виски.

– Ничего не понимаю, – скорее, сама себе пожаловалась она. Не то, чтобы ответы вызывали новые вопросы, они просто увеличивали сумбур в и без того пухнущей от непонятных событий голове. – Оракул, видящая, дар. И что значит: вы меня берёте?

– Как, разве не для поступления вы сюда пришли? – ведунья приподняла брови, изображая удивление.

–Это было бы идеальным решением, – в разговор вмешалась молчавшая до этого Дениз.

– Стойте-стойте-стойте! – хватит с Санайи скромности. Похоже, эта самая скромность ни к чему хорошему не приведёт. Опять всё хотят решить за неё. – Я, – она голосом выделила слово, – пришла не для поступления. Я разобраться хочу! А уж потом решить, как действовать дальше. Что всё это значит?

– А то и значит, – метресса удовлетворённо кивнула кустику иулении, над которым до сих пор хлопотала, и заняла место за массивным столом, обозначая, что предварительный разговор закончился, и пора заняться делом. – Кратко обрисую вашу ситуацию так, как её понимаю я. Если ваш отец, иерина дин Тиаграсса, ни ведовскими, ни магическими талантами не отмечен, значит, ведунья – ваша мать. И не просто ведунья, а имеет – или имела – редкий среди нашей сестры дар видящей. Слышала я, что есть в океане острова, где живут люди с весьма специфическими видами дара. Почему позволила отцу увезти вас? Уж точно не за деньги. Может, на тот момент её уже не было в живых, а может, всё тот же дар подсказал, что нужно сделать именно так, сложно сейчас сказать. Скорее всего, последнее. Почему я так решила? А как ещё объяснить блокировку дара? А ваш дар был именно заблокирован до поры до времени. И обряд в Священном Лесу эту блокировку снял. Вернее, её часть. Вы теперь одна из нас, иерина.

– Подождите-подождите. Какой обряд? Не было никакого обряда.

– Но как же, вы сами сказали, что приняли мужа, – обыденно, совсем не считаясь с нежными чувствами Санайи, сообщила ведунья. – Вы ведь не просто резвились с ним на поляне, а были близки? Я имею в виду, как мужчина и женщина?

Как же стыдно вести такие разговоры. Ну провела ночь с мужчиной, и провела. Это только её ошибка.

– Это было помутнение разума. Мне неприятно вспоминать об этом эпизоде. Давайте его забудем.

– Э, нет, – ведунья подняла вверх указательный палец и поводила им из стороны в сторону. – Забыть обряд инициации у вас не получится. Мало того, до осени и начала обучения его нужно завершить. Ваш браслет показывает, что обряд не закончен.

– Я брежу, да? – Санайя перевела жалобный взгляд с метрессы на Дениз.

– Отнюдь, – хозяйка кабинета была серьёзна. – Как я уже говорила, в Священном Лесу случайных людей не бывает, и уж, тем более, случайных встреч. Если наша Мать Веда свела вас, значит, это ей нужно.

– А мне? – Санайя, устав быть вежливой, подскочила с кресла, подбежала к столу, опёрлась об него кулаками и, глядя в глаза метрессы, почти прокричала: – Кто-нибудь хоть раз спросил, что же нужно мне? Учёба, Пинешту? Неизвестный хмырь, который позабавился со мной ночку и, сообщив, что ему было приятно провести время, просто исчез? И после всего этого я должна отыскать неизвестно кого неизвестно где и предложить ещё немного развлечения?! – очень хотелось вцепиться ведьме – а кто же она ещё – в волосы, но бедняжка ограничилась тем, что смяла бумажки, опрометчиво попавшиеся ей под руку. Заплакать? Ещё чего! Отныне пусть плачут те, кто попадёт ей под горячую руку. Особенно, один любитель развлечений в священных ведовских лесах.

– Какая сильная кровь, – восхищённо произнесла метресса Ликинна.

Вроде бы не сказала ничего успокаивающего, но запал как-то разом спал. Санайя посмотрела на пострадавшие документы, вернула их на стол, разгладила, как смогла, и вернулась в кресло, которое занимала прежде.

– Извините. Я готова слушать дальше, – почти спокойно проговорила она.

– Подведём итоги, – ровно, как на каком-нибудь скучном заседании, сообщила ведунья. – Дар у вас, иерина, есть, и дар сильный. Значит, нужно учиться. Это не моя прихоть, иначе дар вас сожжёт. А сошедшие с ума ведуньи, это не тот контингент, с которым мне хотелось бы иметь дело. Итак, осенью вы придёте в училище, чтобы овладеть даром. Здесь вопросы есть?

Санайя отрицательно покачала головой. А что здесь возразить? О сошедших с ума магах и особенно, страшных ведьмах ходили нехорошие легенды. Стать героиней одной из них совсем не хотелось.

– Здесь вопросов нет, – кивнула метресса. – Дальше. До начала занятий вы вольны заниматься, чем угодно. Вернуться к отцу, искать неизвестного хмыря, чтобы… высказать ему, какой он подлец. Это возможно. Я имею в виду – найти его. Ведь ваш браслет – это не просто рисунок на запястье. У мужчины должен появиться такой же и, предупреждаю вас сразу, браслеты будут притягиваться один к другому. Как вы уж поведёте себя при встрече, учить не буду, это только ваше дело. Скажу лишь, что пока связь не завершена, ваш дар полностью не раскрылся.

– К отцу я не вернусь! – неизвестно для кого заявила Санайя.

– Я это подозревала, – как ни в чём ни бывало, заявила ведунья. – А потому немного помогу вам. Деньги нужны?

– Я не возьму! – возмутилась будущая адептка.

– А я и не предлагаю. Могу поспособствовать найти временную работу. Пригляд, опять же будет. У тебя есть какое-нибудь образование? – после того, как объявила, что принимает девушку на учёбу, хозяйка кабинета перешла на ты.

– Окончила бухгалтерские курсы, – отчего-то смутилась Санайя.

– Бухгалтерские курсы. Что ж, лучше, чем ничего. Ладно! Есть у меня кое-какие предположения. Проверю-ка я их, – метресса задумчиво постучала пальцами по губам. – И тебя нужно бы пристроить к делу, – указующая длань упёрлась в

притихшую Дениз. – В общем, так, я переговорю кое с кем и завтра сообщу вам результат. Думаю, вас возьмут. – Урок первый, – она довольно улыбнулась Санайе, – лучший должник не тот, кто должен тебе деньги и отдаст их с процентами, а тот, кто должен тебе дело. Навещу-ка я одного старого знакомца. Завтра с утра придёте ко мне за распоряжениями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lesnikova_rina/palye-list-ya-leta

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить